

Дорогу — новому, передовому!

Новаторство, обмен опытом, рабочее изобретательство — эти понятия прочно вошли в нашу советскую жизнь, в них находят яркое отражение новые, социалистические производственные отношения между людьми.

Обмен опытом, сотрудничество людей науки и производства — мощный рычаг, помогающий двигать вперед нашу промышленность, нашу техническую и научную мысль. За один лишь 1951 год на наших заводах и фабриках произведено около 500 новых видов машин и механизмов, созданных и построенных советскими учеными, конструкторами и рабочими. В производство внедрено почти 700 тысяч изобретений и рационализаторских предложений. За этими цифрами стоят сотни тысяч советских людей — могучая армия рабочих-новаторов и передовых ученых — неустанных борцов за технический прогресс нашей Родины. Многие научные открытия оказали преобразующее влияние на различные отрасли промышленности и сельского хозяйства.

В нашем социалистическом государстве, развитие которого направляет партия Ленина—Сталина, все способствует рождению и победе нового, передового! Тем последнее, тем нетерпимее, когда на пути новейших научных открытий и изобретений встают пороки косности и равнодушия, когда важные научные работы залегают в архивах учреждений или получают слишком незначительное применение в жизни. Вот одна поучительная история. Стоя на улице дом. Почти каждую весну дом оплетали густой паутиной лесов, чистая и красивая его фасад. Проходили год-другой, известные краски выцветали, загрязнялись — дом надо было заново подвернуть «косметическому ремонту». Над этим задумались сотрудники Ленинградского научно-исследовательского института Академии коммунального хозяйства. Призвав на помощь химию, они создали новые, так называемые перхлорвиниловые краски, которые обладают двумя замечательными свойствами: они паронепроницаемы и в то же время атмосферостойчивы.

Перхлорвиниловые краски служат около десяти лет. Дома, отделанные ими, можно просто мыть, и после этого краски обретают первоначальную свежесть и яркость. Шесть лет работники Министерства коммунального хозяйства и московских жилищных учреждений возмущались высокими качествами новой краски, и лишь на седьмой год назвали более или менее серьезная работа по внедрению в жизнь открытия ленинградцев.

Хорошо известно, какое огромное количество леса перерабатывается непосредственно на строительных площадках. Из него изготовляют опалубку, балки, фермы, сваи и пр. При этом получается много отходов; маломерный, сучковатый лес также идет в отходы и на арова. На строительных площадках часто вырастают горы отходов древесины. Оказалось, что лес пониженного качества и маломерный, а также отходы могут использоваться как полноценный строительный материал — это доказали сотрудники Центрального научно-исследовательского института промышленности с практиками и работниками других институтов создали новый тип деревянных конструкций — клееные конструкции.

Новое достижение науки получило высокую оценку правительства. Большой коллектив научных работников и строителей во главе с руководителем работ доктором технических наук А. В. Губенко был удостоен Сталинской премии. Казалось бы, следовало как можно скорее наладить серийный выпуск новых конструкций. Однако в министерствах лесной промышленности и промышленности строительных материалов — главных поставщиков леса и деревянных конструкций — в новшество отнеслись как к обузе.

Особенно странным кажется при этом поведение некоторых проектных организаций. Являясь законодателями строительного дела, решающими судьбу строительства на самом первом его этапе — в проекте, они должны были бы первым делом активно откликнуться на новшество, со-

действуя таким образом планомерному внедрению новых конструкций. Однако такие мощные проектные организации, как Гипрогор, Главтрансстрой, Гипростройматериалы, Гипродревпром, Промстройпроект, признали на словах новый строительный материал, на деле же продолжают попрежнему проектировать устаревшие конструкции.

Примером косности, боязни нового может служить и судьба новых оригинальных теорий, созданных проф. В. З. Власовым, дважды удостоенным за свои труды Сталинских премий. Его первая теория, представляющая собой новое слово в сопротивлении материалов и строительной механике, была изложена еще до Великой Отечественной войны. Однако понадобилось почти десять лет, прежде чем эта теория начала излагаться для студентов вузов и университетов. Другая теория проф. В. З. Власова была разработана несколько позже, и хотя ее большое практическое значение в строительной практике широко известно, с ней до сих пор не знакомы студенты строительных вузов. В последние годы правительство дважды отмечало Сталинскими премиями группы ученых и инженеров за конструктивные разработки, основанные на общей теории проф. В. З. Власова. Но до сих пор с трудом оно справляется себе дорогу эта новая теория, помогающая создавать прочные механизмы и строительные конструкции при большой экономии материалов.

В чем причина такого неестественного для нашей советской жизни явления? Причина этого — формальное отношение инших научных работников к своему долгу, равнодушие к делу, плохое знание нужд и запросов производства. Причина этого — запоздалый, уведомительный подход некоторых практиков к делу, боязнь нового. Нет ни малейшего сомнения, что новое, передовое — перхлорвиниловые краски, и клееные конструкции, и теория профессора Власова, и сотни других новаторских предложений — рано или поздно одержат победу. Таков дух советского новаторства. Такова воля советского общества. Но не прозойдет все само собой, без усилий, без решительной борьбы со всем тем, что преграждает дорогу новому.

Три года назад в Ленинграде родилось патристическое движение за крепкое сотрудничество науки и производства. Это творческое сотрудничество распространено по всей стране и дает большие результаты. В прошлом году на предприятиях только одного города Ленинграда внедрены десятки тысяч самых различных новшеств. Экономический эффект, который они принесли, превышает 353 миллиона рублей — более трети миллиарда!

Сотрудничество науки и производства помогает не только производству, оно обогащает практическим опытом и самую науку. Глубоко неправы те из практиков, которые понимают идею творческого сотрудничества упрощенно, односторонне, подражая под этим не совместную работу ученых и производственников, а только помощь ученых производству.

Иные работники поднимают шумиху вокруг сотрудничества, заключают по этому поводу множество договоров и мало заботятся об истинном сотрудничестве. Подобный формализм, отсутствие контроля за работой приводит к тому, что некоторые научные учреждения оказываются в большом долгу перед предприятиями. Так случилось, к примеру, с коллективом Лесотехнической академии имени Кирова, которая не выполняла взятых на себя обязательств перед лесной промышленностью. Среди части научных работников еще находят себе место такой неверный взгляд — наше, дескать, дело писать труды, изобретать, а дело предприятия использовать эти труды, брать на себя все хлопоты по внедрению. Это глубоко ошибочный взгляд. Занятия по внедрению в жизнь научного предложения — общее дело ученого и практика.

Любой научный труд, как бы хорошо он ни был задуман и исполнен, мертв, пока существует только на бумаге.

Вот почему ученый должен считать законченной только ту работу, которая доведена до производства, внедрена в практику. Научные открытия, рационализаторские предложения — это большие, ценные сокровища. Реализовать эти сокровища, поставить их на службу советскому обществу — долг каждого ученого и практика.

Сегодня на рассвете полиция попыталась арестовать на дому около тысячи профсоюзных активистов. Если удалось задержать 66 активистов. Всей общей конфедерация протеста. Таким образом эта провокационная попытка обезглавить забастовку провалилась. Сотни профсоюзных активистов рано утром уже были на своих постах, среди бегущих рабочих.

Полицейские репрессии распространились не только на коммунистов, но и на членов социалистической партии и беспартийных профсоюзных деятелей. Аресты вызвали новую волну возмущения на всех предприятиях. Когда, например, на заводе Ла Валетт полиция задержала одного рабочего-алжирца, забастовочный комитет тотчас же потребовал от дирекции завода добиться от полицейских властей немедленного освобождения алжирского товарища. И в конце концов арестованный был выпущен на свободу, снова заняв свое место среди бастующих...

С каждым часом забастовка разрастается все больше. Трудящиеся Парижа и всей Франции решительно продолжают и разворачивают самоотверженную борьбу за освобождение Жака Дюкло, Андре Стиля и всех брошенных в тюрьму патриотов. Рабочие полны решимости преградить путь фашизму, отстаивать национальную независимость Франции и спасти мир.

ИВ МОРО (По телефону)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (2941) Четверг, 5 июня 1952 г. Цена 40 коп.

Надо потушить костры!

1. Тайга... У кого из нас при этом слове не возникает перед мысленным взором дремучие леса, могучие роковые лесные вершины!

Мы много лет путешествуем по тайге. Нам довелось видеть ее с самолета. Она — безбрежна. Сибиряки так и говорят: вековой, вековой тайге не пройдет. Мы летали над ней по многу часов, и кругом, куда бы мы ни глянули, было перед нами одно и то же: лес, лес, лес.

На урвалах возвышались светлые, отливашные серебристые, кудрявые береговые рощи. В низинах, прижавшись друг к другу, стояли тесной зубчатой грядой островерхие ели. Иногда, пересекая белый лес, они выветывали навстречу самолету цепочкой, и тогда казалось, что тайга прешита зелеными шелковыми строчками.

Сосны с бронзовыми стволами росли особняком, вскинув высоко к небу свои кроны. Величественными островами стояли мохнатые ели. Они не зазирали на березы свои кроны, как это делают сосны, не выставляли в небо острые пики, подобно елям. Они держали себя солидно, с достоинством, как и полагаются патриархам тайги.

То там, то здесь в тайгу были вкраплены яркие рябины. Красные их гроздья пробивались сквозь зеленую хвою. Казалось, в лесу горели оранжевые огоньки.

И так продолжалось час, другой, третий. И хотелось все видеть и лететь и неограниченно стравить его изумительным богатством страны и его изумительной, неповторимой красотой.

Необозримая сибирская тайга — наша гордость. Нигде, ни в одной стране мира, ни на одном континенте земного шара нет такого сокровища, каким являются сибирские леса. Третья часть лесов земного шара находится в СССР. Семьдесят восемь процентов этих лесов растет в Сибири. Тысячекилометровым фронтом — с юга на север, и на полторы тысячи километров в глубину — с запада на восток, от Урала до Енисея, раскинулась западносибирская тайга. Она занимает свыше ста миллионов гектаров.

Лесная промышленность является одним из необходимых условий роста крупной машинной индустрии. Запасы древесины, которую дает сибирская тайга, благодаря природному свойству возобновляемости, — неисчерпаемы. А это значит: неограниченными являются перспективы развития в нашей стране промышленности строительных материалов, лесохимической, деревообрабатывающей, бумажной и многих других.

2. Недавно мы побывали в втором участке Тимирязевского лесопрохоза. Приехали мы туда по узкоколейной железной дороге в пассажирском поезде. Условия работы лесорубов — специфические: лес, который они должны заготавливать, все время «бегит» от них. Возвратившись в поселок, поработав два-три года, смотрят — лес «ушел» от поселка, сместив где-то за пятьдесят километров. В прежние годы поселки лесорубов были кочующими: их беспрерывно переносили с места на место — поближе к «убежавшему» лесу. Сейчас перенести поселок не так-то просто: в нем средняя школа, клуб, библиотека, электростанция, кирпичный завод, ремонтные мастерские, амбулатория, почта... Делать горючо! И вот когда появились в тайге узкоколейные железные дороги, вместо переноса домов стали подвозить людей к лесосекам.

Наш поезд остановился на участке мастера Сидорова. Паровозик не успел отдышаться, как застучала передвижная электростанция. В лесосеки пошел ток. И сразу зажужжала электрическая пила. Она разорвала лесную тишину, как молния разрезает небо. Буквально через пятьдесят секунд вздрогнула крона пихты, и тотчас же раздался треск. Дерево упало с уханьем, в небо фонтаном завалился оторвавшийся хвоя, обломки сухих сучьев.

Мы проходили одну лесосеку за другой и то и дело встречали электростанции, трелевочные тракторы, поручищенные паровые краны, передвижные электростанции. Казалось, мы шли не по тайге, где еще недавно царил извечная тишина, а по шахтам индустриальных предприятий.

— В нашем леспрохозе, — сообщил нам директор «Тимирязевки» В. Голков, — заготовка леса механизирована на 100 процентов, трелевка — на 100 процентов, вывозка — на 100 процентов. Отстают только погрузка — она механизирована на 98 процентов.

На второй поточной линии лесопрохоза атакודה расположена на возвышенности. Весь участок раскрылся здесь перед нами, как на ладони. Были видны одновременно и валка леса, и очистка и сжигание сучьев, и трелевка хлыстов, и погрузка их на железнодорожные платформы. Мы смотрелись на минуто во все эти процессы труда и вдруг увидели закономерность, ритмичность в этой многообразной работе.

Поток!

— Да, это поток! — подтвердил Голков. — Мы называем его еще лесным конвейером. Поточным методом мы ведем заготовку уже третий год.

Савва КОЖЕВНИКОВ, Георгий КРЫЛОВ, кандидат биологических наук

утесах). Дремучая сибирская тайга с ее извечной тишиной и глухотой превращается в механизированный завод, с заводским конвейером.

Правда, предстоит еще много поработать, чтобы добиться максимально полного использования в лесу механизмов и довести объем заготовок до объема ежегодного прироста древесины.

Но нам хотелось бы поговорить сейчас не об этом, а о сжигании порубочных остатков, или, другими словами, о бессмысленном превращении в дым огромных ценностей страны.

3. Перед нами лесосека, откуда уже ушли электропильщики и на их место явились сучкорубы.

Сучкорубы медленно передвигались вдоль сваленных деревьев и широко взмахивали топорами. У ног их падали сучья, аэрозоль хвоя. Тут же дымил костры. В огромных, выше человеческого роста, кучах сучьев и вершин крутились и с воем кштел огонь.

Есть что-то в кострах тайге, что сморщивает на них и не можешь оторваться, ошарашенный изумительной живостью и красотой огня. И мы долго стояли молча около костров, вдыхая горьковатый запах дыма.

— А называется это прощаскием: «сжигание порубочных остатков», — задумчиво сказал Голков, отвечая на какие-то свои мысли, и подумав, добавил: — И еще это называется преступлением!

Существует порядок, по которому нельзя оставлять на вырубленных пашках сучья, вершины, отломки и прочие «отходы». Это захватывает лес, увеличивает опасность пожаров. Лесхозы жестоко штрафуют лесозаготовителей, если они оставляют лесосеки не очищенными.

Голков ткнул носком сапога выправленный из костра толстый сосновый сук. Изпод ноги вылетел искра, костер затрещал, пламя заметелось волнами.

— Очень красиво, — сказал Голков. — Видите, как прыгает огонь. Можно часами любоваться. Но это же уничтожение больших богатств. Да, уничтожение!

О бессмысленности сжигания порубочных остатков мы слышали почти во всех леспрохозах Сибири, где нам доводилось бывать. И в самом деле, трудно назвать такое сырье, из которого выработывалось бы так же много предметов, как из древесины. Современная техника может производить из леса свыше двадцати тысяч различных предметов, а в Сибири их выработывается не более двухсот. Немалая часть срубленного леса идет в отходы, сжигается вот в этих кострах.

В лесосеке, когда из нее уходит лесорубы, свалившие электростанцию лес и раскряжевавшие его, а потом уходят и трактористы, вывезшие стволы на верхний склад, — в этой лесосеке остаются пни, сучья, хвоя, кора, отломки (нижняя часть ствола), вырезки из ствола (имеющие гнил или крупные сучья или большую кривизну и другие пороки) и даже целые стволы берез и осин, которые не имеют деловой древесины.

Чтобы все это не гнило на опустевшей лесосеке, не заражало здоровый лес, порубочные остатки обычно сжигаются. И вот в лесосеках пылают костры.

Всего пылают костры. Но дым их горьковат: горят космальные материальные ценности, превращаются в дым огромные суммы — десятки, сотни миллионов рублей.

4. Костры горят в лесу с тех пор, но, нам кажется, пора их потушить. Уровней техники лесозаготовок и современной лесохимии является сейчас настолько высокой, что лесосечные отходы могут быть легко превращены в материальные ценности.

Из отходов леса можно выработать скипидар, смолы, пихтовое масло, канфол, древесный спирт, винный спирт, глюкозу, витамины, генераторный газ.

за морем телушка полушка, да перевоз дорогой. Рентабельно ли будет вывозить из леса для переработки эти отходы?

Конечно, вывозка отходов в «сыром» виде — дело не простое и, пожалуй, не целесообразное. Но ведь первичную их переработку (и механическую и химическую) можно производить непосредственно в лесу, на верхних складах леспрохозов. Так, например, вершины деревьев, сучья, щепу, хвою можно прессовать в брикеты. Для этого потребуется довольно простая передвижная брикетная станция, которая может быть смонтирована на генераторном тракторе.

С одного гектара сплошной рубки можно выработать в среднем 10—15 тонн брикетов. Для работы на брикетной станции потребуется 15—40 рабочих.

Брикеты из отходов будут ценным топливом. Но калорийности они в два раза превышают дрова и их легко будет транспортировать в беслесные степные районы. Перевозка брикетов на лесохимические заводы вполне окупится: из тонны брикета можно получить 20 килограммов эфирных масел, 150 килограммов смол и 700 килограммов твердого топлива или 150 килограммов древесного угля. В свою очередь, древесный уголь, спрессованный также в брикеты, является ценным топливом для выплавки высококачественной стали.

Каждый леспрохоз может и должен иметь, кроме брикетной станции, также дешевую и эффективную аппаратуру для сухой перегонки древесины. Одним из неизменных делов леспрохоза должен стать передвижной распиловочно-лесохимический цех с круглопильными станками, шпалорезкой, смолочурной печью, с установкой для выработки пихтового масла или уксусной кислоты. Не только рентабельность — большая выгода этой работы несомненна.

Меры, которые мы здесь перечисляем, выдвигаются самой жизнью, всем направлением развития лесозаготовок, которое определено партией и правительством.

В первый период, когда появились в лесу механизмы, лесозаготовители продолжали работать по-старинке. Имени переломку технику, они оставили неприкосновенным старый технологический процесс, который был пригоден для лесосеки, но совершенно непригоден для машин. Жизнь сломила технологию лесосеки, и сейчас почти уже всюду на лесозаготовках введен передовой технологический процесс — поточный метод лесозаготовок.

Многие лесозаготовители, в частности и Министерство лесной промышленности, на этом успокоились, полагая, что сделано уже все. А ведь сделано только начало. Требуется радикальная, новаторская и обязательно комплексная перестройка всей системы лесозаготовок.

Порубочные отходы, которые остаются на лесосеке и сжигаются там в кострах, — это наследие технологии лесосеки. Ему было не под силу ни вывезти эти отходы на верхний склад, ни переработать их. Современный передовой технологический процесс, вооруженный мощной передовой техникой, может предотвратить самое создание лесных отходов на лесосеке. Мощность трелевочных тракторов и электрорубок позволяет трелевать, сваленное дерево на верхний склад целиком со всеми сучьями и вершинной частью.

Верхний склад должен стать своеобразным индустриальным предприятием с передвижными заводами на колесах или на судах (лесные склады устраиваются обычно около узкоколейных железных дорог или на берегу тяжелых рек). Эти заводы в качестве сырья будут получать целые хлысты с сучьями и вершиной и выпускать в качестве продукции окоренную лесовую древесину, древесно-угольный брикет, химпродукты и электроэнергию.

В этом случае не останется в лесу для сжигания в кострах ни сучьев, ни коры, ни вершинных частей деревьев, ни отколов, ни вырезок, ни дровяной древесины. Другими словами, в лесосеках будут потушены костры, в которых горит сейчас несметное богатство тайги.

Мысли, которые мы высказываем в этой статье, не новы. Еще в июле 1948 года главный инженер Тимирязевского леспрохоза А. П. Пехановский выдвинул новую схему организации лесозаготовок. В схеме его было много интересных предложений. Но она не нашла отклика в Министерстве лесной промышленности.

В 1950 году Всесоюзным научным инженерно-техническим обществом лесной промышленности и лесного хозяйства был объявлен конкурс на лучшее предложение по использованию лесорубочных отходов на лесосеке. Предложений поступило сотни. Сорок пять из них в июле 1951 года были премированы.

Но и это не вызвало в министерстве никакого движения. До сих пор не сконструированы брикетные установки, не создана для леспрохозов дешевая и эффективная аппаратура для сухой перегонки древесины, попрежнему нет хорошей аппаратуры для производства уксусной кислоты и нет аппаратуры для небольших заводов гидролиз древесины.

Вся эта аппаратура должна быть создана, ей должны быть снабжены все леспрохозы.

Костры на лесосеках должны быть потушены!

Международные отклики

ПРОСЧЕТЫ ВАШИНГТОНА

Больше недели минуло со дня опубликования ноты Советского правительства правительству США, Англии и Франции о мирном договоре с Германией, а содержащиеся в ней предложения, направленные на безотлагательное и справедливое решение германского вопроса, продолжают находиться в центре внимания народов.

Все честные люди видят, что именно советская нота указывает поистине путь к миру в Европе. Что же касается американских поджигателей войны, то их намерения с предельной ясностью изложены в некоем документе — так называемом меморандуме Джексона. Стало известно, что этот меморандум обсуждался на специальном совещании в Управлении по вопросам психологической войны США. Та успешность, с которой представитель гостеприимства бросился опровергать содержащиеся в меморандуме «рекомендации», с головой выдает его авторов.

Суть этого секретного документа, не предназначавшегося, разумеется, для опубликования, разоблачила выходящая в демократическом Берлине газета «Норис Дейчланд». Меморандум Джексона указывал на необходимость воспрепятствовать проведению общегерманских выборов и созданию общегерманского правительства, а на соответствующие предложения, сделанные в известных нотках Советского правительства от 10 марта и 9 апреля, не давая окончательного ответа до подписания «общего договора» и создания «европейского оборонительного сообщества» или, в крайнем случае, выставить такие условия, которые будут явно неприемлемы. Легко убедиться, что ответные ноты правительства США, Англии и Франции от 13 мая и были соответственно составлены.

Курс, намеченный в меморандуме Джексона и осуществленный на практике американскими планировщиками войны, внушает серьезное беспокойство тем кругам в западноевропейских странах, которые тревожатся оценкой угрозы новой германской агрессии. Так, английская газета «Рейнольдс Ньюс» на днях писала, что решение западных держав возродить вермахт представляет собой опасность для мира во всем мире. Боннский и парижский договоры, освещающие репарационную политику Западной Германии, газета называет «безумным планом введения троцкого коня в самый центр Западной Европы».

Даже империалистическая печать охвачена неуверенностью. Явное беспокойство сквозит в высказываниях английской консервативной газеты «Обсервер», признающей на днях, что «слабо сопротивляющийся новым договорам в Западной Германии и, в частности, подымающийся там сейчас волна забастовок» свидетельствует о неприемлемости сепаратного «урегулирования» для немецкого народа.

Зарубежные отклики на ноту Советского правительства убедительно говорят о подлинных настроениях широких масс как в Германии, так и в других странах Европы, и показывают также, что сделку Аленгауэра с правительством США, Англии и Франции народы расценивают как явную угрозу миру. В этом и заключается просчет Вашингтонских политиков.

Мечты и тревоги

Итальянские реакционеры вбуроражены — фашистские похождения их французского коллеги г-на Пина явно не дают им покоя. Рупор Ватикана газета «Куотидиано», профашистские «Джорнале д'Италия» и «Темпо» и орган христианско-демократической партии «Моменто», комментируя аресты Жака Дюкло и Андре Стиля и развернувшуюся во Франции по приказу из Вашингтона кампания террора против прогрессивных сил, превозносят эти фашистские провокации, как «смелые меры защиты демократии... «Бутидиано» прямо ставит г-на Пина, этого «...воинствующего католика», который приказал стрелять по безоружным демонстрантам, в пример г-ну де Гаспери. А «Джорнале д'Италия» без обиняков заявляет: то, что случилось во Франции, «может повториться в других странах».

Эти злобные мечтания о расправе с прогрессивными силами страны призваны замаскировать страх, которым охвачены итальянские правящие круги. Недавние муниципальные выборы, происшедшие в конце мая в тридцати трех провинциях Южной и Центральной Италии, продемонстрировали дальнейшее ослабление позиций христианских демократов.

В прошлом году, как известно, в результате муниципальных выборов в провинциях Северной Италии партия де Гаспери потеряла значительное поражение, потеряв около 2,5 млн. голосов. Поэтому к нынешним выборам христианские демократы тщательно готовились. Не остались в стороне от предвыборной борьбы и официальные американские представители, которые здесь так же, как и во Франции, держат под всеми действиями правящих кругов.

Все это, однако, не помогло г-ну де Гаспери и его партии. Несмотря на полицейский террор, антидемократический избирательный закон, «анафемы» Ватикана по адресу избирателей, голосующих за прогрессивных кандидатов, и угрозы американских империалистов, блок левых партий (коммунисты, социалисты и независимые) добился неоспоримого успеха. Только в Риме левые партии получили на 70 тысяч голосов больше, чем на выборах 1948 года.

В то же время выборы принесли новое поражение христианско-демократической партии, которая в Риме, например, собрала всего 285 тысяч голосов вместо 454 тысяч в 1948 году. Некоторые перераспределение голосов в реакционном лагере в пользу фашистских групп не меняет факта поражения левых партий. Рабочие Италии и их коммунистическая партия доказали свою политическую зрелость, умение мобилизовать силы трудящихся на отпор врагам мира и демократии. Сейчас народ Италии единодушно выражает свое сочувствие и солидарность братскому французскому народу, доблестно отбивающему натиск империалистической реакции. Вместе с американскими трудящимися рабочий класс Италии предостерегает: «Фашизм не пройдет!».

ЛИТЕРАТОР

Париж, 4 июня

С сегодняшнего утра по призыву объединения профсоюзов Парижского района трудящиеся столицы Франции начали на промышленных предприятиях и на стройках забастовку. Она проходит под лозунгами борьбы за мир, свободу и национальную независимость Франции, за немедленное освобождение из тюрьмы Жака Дюкло и Андре Стиля, а также трудящихся, арестованных во время демонстраций протеста против приезда в Париж генерала-чумы Риджуэя.

На всех крупных предприятиях Парижа забастовка является всеобщей. Бастуют все до одного рабочие-металлисты, всеобщая забастовка объявлена на заводах Фарман, Союз, Сноп, Ла Валетт... Остановилась электростанция Сент-Уэн. На всех строительных площадках также проводится «польская забастовка». Прекратили работу 42 тысячи рабочих завода Рено. Они не покидают своих постов, организуя для продолжения борьбы. На стенах завода — лозунги: «Освободить Жака Дюкло», «Риджуэя и Пина — за дверь!», «Фашизм не пройдет!».

Забастовочное движение распространилось и на провинцию. Объединение профсоюзов департамента Нижняя Сена выступило с призывом, аналогичным тому, который был направлен трудящимся столичным объединением профсоюзов. Рабочие химической и металлургической промышленности Люза, дозеры Бордо, железнодорожники Марсея, Сета, Нима, Мондосона, Брива, Сента, Безе и других городов прекратили работу, не покидая заводов, железнодорожных депо. Правительство Пина превело неслыхан-

ную мобилизацию полицейских сил против трудящихся.

В район Парижа стянуты значительные полицейские силы — свыше 30 тысяч человек. Здесь сосредоточены, кроме того, так называемые «отряды республиканской безопасности», парашютисты, а также военные грузовики и броневые автомобили. Агентство Франс Пресс уже поспешило объявить о предстоящих новых полицейских провокациях. «Возможно», говорится в сообщении агентства Франс Пресс, что будет отдан приказ «очистить» завод Рено от бастующих...

Сегодня на рассвете полиция попыталась арестовать на дому около тысячи профсоюзных активистов. Если удалось задержать 66 активистов. Всей общей конфедерация протеста. Таким образом эта провокационная попытка обезглавить забастовку провалилась. Сотни профсоюзных активистов рано утром уже были на своих постах, среди бегущих рабочих.

Полицейские репрессии распространились не только на коммунистов, но и на членов социалистической партии и беспартийных профсоюзных деятелей. Аресты вызвали новую волну возмущения на всех предприятиях. Когда, например, на заводе Ла Валетт полиция задержала одного рабочего-алжирца, забастовочный комитет тотчас же потребовал от дирекции завода добиться от полицейских властей немедленного освобождения алжирского товарища. И в конце концов арестованный был выпущен на свободу, снова заняв свое место среди бастующих...

С каждым часом забастовка разрастается все больше. Трудящиеся Парижа и всей Франции решительно продолжают и разворачивают самоотверженную борьбу за освобождение Жака Дюкло, Андре Стиля и всех брошенных в тюрьму патриотов. Рабочие полны решимости преградить путь фашизму, отстаивать национальную независимость Франции и спасти мир.

ИВ МОРО (По телефону)

Через шлюзы Цимлянского гидроузла прошли первые суда

НОВОСОЛЕНОВСК, 4 июня. (Наш спец. корр.). Радостную весть о соединении Волги с Доном цимлянские гидроинженеры отметили завершением работ на 14-м шлюзе, сооруженном у южного выхода из Цимлянского моря, канала, соединяющего его с 15-м шлюзом, — выходя в нижний Дон, и на самом 15-м шлюзе.

В ночь с 1 на 2 июня были закончены все работы по возведению соединительного канала, и он через шлюз № 14 заполнился водой из Цимлянского моря. 3 июня проведено первое шлюзование судов — теплоход «Строитель» и «ВД-26»; на буксире у одного из них была баржа.

Немного времени спустя в 15-й шлюз из нижнего Дона заходят теплоходы «Слава» и «Грозный». Они ведут из Ростова на буксире дедбаркадер и баржу. При ярком свете прожекторов теплоходы мигают соединительный канал, 14-й шлюз и выходят на широкий простор Цимлянского моря.

ЛИТЕРАТОР

Размышления о Крещатике

Виктор НЕКРАСОВ

Когда на рассвете 6 ноября 1943 года советские войска ворвались в центр города Киева, на Крещатике, они увидели страшную картину — Крещатик фактически не существовал. Некогда оживленная, веселая улица лежала в развалинах. Только в начале и конце ее чудом сохранилось по нескольку домов, все остальное было взорвано, сожжено, разрушено.

Сейчас человек, выдавший занесенные снегом печальные руины 1943 года, вряд ли узнает эти места. Буквально на глазах рождается новая магистраль. На месте старого, милого сердцу каждого киевлянина, но архитектурно мало выразительного, застроенного в большинстве своем двух- и трехэтажными домами Крещатика, должен возникнуть новый Крещатик — величественный и красивый, объединенный единой мыслью, цельный и законченный архитектурный ансамбль.

Задача нелегкая и по масштабам и по ответственности. К тому же Крещатик по своим планировочно-топографическим условиям — одна из сложнейших для проектирования магистралей. Его малая длина, круговой поворот в середине, множество вливающихся в него на небольшом пространстве улиц, наличие трех площадей и общее его расположение в долине, между холмов, — чрезвычайно усложняют работу. Все это требует от архитектора прежде всего внимательности, продуманной во всех деталях разработки генерального плана — основы всего проекта.

За последнее время в киевской газете «Радянське мистецтво» («Советское искусство») появилось несколько статей, посвященных этому вопросу. Авторы — член-корреспондент Академии архитектуры УССР А. Касьянов, архитектор И. Малоземко, народный художник УССР К. Трохименко, член-корреспондент Академии архитектуры УССР Ю. Савицкий, действительный член Академии архитектуры УССР А. Вербицкий, кандидат архитектуры И. Сильченко, народный артист СССР Ю. Шумский — во многом друг с другом не соглашались, спорят, но все приходит к выводу: в планировке и строительстве Крещатика далеко не все благополучно.

То же можно услышать и на улицах, в трамваях, троллейбусах, — киевляне живо интересуются обликом нового Крещатика. Правда, судить о нем они могут пока только по первым воздвигнутым зданиям да по выставленным во время праздников в витринах магазинов проектам отдельных сооружений, но в разговорах, так же как и в статьях, звучит беспокойство: таким ли получится Крещатик, каким хотелось бы его видеть?

Есть ли основания для этого беспокойства? Постараемся разобраться.

Работы по проектированию Крещатика начались еще в 1944 году. В результате многочисленных конкурсов окончательный проект составил, под руководством действительного члена Академии архитектуры УССР и УССР А. Власова, группа архитекторов — А. Добровольский (главный архитектор города), В. Елизаров, В. Приймак, А. Заваров и А. Малиновский. Но их проекту правая сторона Крещатика отведена для административных зданий и застраивается сплошной линией — без разрывов между отдельными домами. Противоположная же, левая сторона решается в виде отдельно стоящих жилых ансамблей, с большими, в 100—150 метров разрывами между ними. По мнению авторов проекта, архитектура домов, расположенная на прилегающих к Крещатику холмах, должна войти в общий его ансамбль.

Мысль интересная. Система ассиметричного решения улицы, пожалуй, впервые встречается в практике проектирования городов и в данном случае безусловно удачна. Тянувшись по левой стороне, вдоль жилых ансамблей, линия бульвара соответствует характеру города, делает Крещатик живописным и подчеркивает его значение не только как делового центра, но и как излюбленного места прогулок киевлян. Удачна и общая тональность зданий на улице. Светлый, солнечный цвет керамики, которой облицованы дома, в сочетании с зеленью прекрасно привившихся каштанов, лип и кленов

придаст улице приятный, жизнерадостный вид.

И все же, ни интересная мысль, положенная в основу проекта, ни отдельные, в основном удачные детали его никак не могут скрыть весьма серьезных ошибок и промахов, допущенных при проектировании Крещатика.

Вот несколько фактов, по которым можно об этом судить.

Строительство Крещатика идет полным ходом, но до сих пор не разрешены два существеннейших его узла — его начало и конец — площадь Сталина и Бессарабка. Окончательных проектов этих двух очень сложных для проектирования площадей до сих пор нет, и по-настоящему к ним еще не приступали.

Наиболее живописные уголки Крещатика (поросшие зеленью холмы около площади Калинина и Бессарабки) застраиваются новыми домами, в то время как в композиции улицы вносятся случайно стоящие пыльные фасады старых, дореволюционных еще домов.

Так, например, получилось со специально запроектированным разрывом между уже построенным домом № 27 и другим, еще строящимся домом по левой стороне Крещатика. По проекту, разрыв этот должен был включать в ансамбль Крещатика большой внутриквартальный участок и строящийся сейчас на вершине холма 9-этажный жилой дом. На деле же оказалось, что вместо живописных холмов видны только стены старых домов, а новое 9-этажное здание оказалось построенным где-то в стороне, случайно, без малейшей связи с ансамблем. Пришлось на ходу принять решение — на месте разрыва строить еще одно здание.

Таким образом вопрос раскрытия внутриквартальных участков (одна из основных идей проекта) оказался недостаточно продуманным.

Еще менее продумали авторы проекта место, где улица Свердлова вливается в Крещатик. Если в предыдущем случае неудачное решение генерального плана пытаются спасти постройкой нового дома, то здесь запроектированное уже здание строить не будут.

По генеральному плану улицу Свердлова из-за ее крутизны следовало, как просужено, закрыть. Со стороны Крещатика предполагалось ее замкнуть зданием концертного зала консерватории, оставив по бокам только проходы для пешеходов. Сейчас решено — концертный зал на этом месте не ставить. Улица Свердлова остается открытой, узкие ее привольно расширено (возвышающиеся в этом месте здания начали строить еще тогда, когда предполагалось соорудить концертный зал), а противоположная сторона Крещатика уже застроена — застроена без учета ее видимости с улицы Свердлова. Таким образом улица упирается в угол нового здания на Крещатике и виднеею сторону из-за него тыльную сторону старого дома.

Концертный зал консерватории, как мы видим, не будет строиться на улице Свердлова. В этом есть логика — концертный зал и консерваторию лучше воздвигнуть в более тихом, удаленном от центра месте. К нашему удивлению, консерватория вместе с залом отстраивается сейчас на другом, не менее бойком месте — в здании бывшей гостиницы «Континенталь» на улице К. Маркса. А здание бывшего института благородных девиц, находящееся на горе и окруженное парком (оно само собой напрашивалось для консерватории), передано почему-то под строительство клуба промкооперации.

Один из наиболее сложных и не решенных до сих пор узлов нового Крещатика — площадь Калинина. Прямышка, пока открытая с правой стороны Крещатика, она расширяется сейчас за счет партерного парка, подымающегося уступами на месте уничтоженного гитлеровцами квартала по левой стороне улицы. В самой высокой части парка предполагается соорудить высотное здание гостиницы.

Можно ли признать удачным такое решение? Площадь Калинина имеет вполне законченную, архитектурно четкую конфигурацию. Принцип размещения нового участка пока не совсем понятен. Форма его расчленена и неясна, размеры явно преувеличены и не масштабны по отношению к сравнительно короткому и широкому Крещатику, а архитектурное обрамление такого большого несащенного пространства ограничивается стоящим в стороне на горе зданием бывшего института благородных девиц, предполагаемой высотой гостиницы (к проекту ее, правда, еще не приступали) и тылами расположенных ниже парка домов ул. К. Маркса.

Место вливания ул. К. Маркса в Крещатик также не решено — левый ее угол отодвинут по отношению к правому на добрую полсотню метров, и улица в самой ответственной ее части — начале — теряет свою стройность (то же случается и с улицей Свердлова).

В связи со всем сказанным возникает вопрос — уместна ли вообще такая большая площадь (по длине своей она равна одной трети Крещатика) в самом центре города, к тому же на расстоянии одного квартала от другой площади — площади Сталина и мощной зеленой полосы наднепровских садов. Не следует ли эту новую площадь (если она все-таки останется) ограничить в размерах и придать ей более правильную, а не случайную форму. Вопрос этот разбирается со всех точек зрения в статьях, опубликованных «Радянським мистецтвом», по решению его до сих пор считать никак нельзя.

Здание городского Совета предложено построить не на площади, а на участке между ул. Ленина и ул. Свердлова. Есть опасение, что это важное по своему значению здание будет много терять от соседства с расположенным через улицу, на холме, высотным жилым зданием. Высказывалось мнение, что значительно более удачным местом для здания горсовета была бы площадь Калинина, в своей новой части, непосредственно за вновь построенной лестницей, в начале партерного парка. При таком решении выигрыш не только здание горсовета (центральное, а не проходное местоположение, площадь перед зданием, парадная лестница), но и сама площадь, получающая определенное архитектурное завершение.

Мы привели только несколько наиболее существенных фактов, по которым можно судить о положении на Крещатике.

Какие же напрашиваются выводы?

Крещатик строится полным ходом, но строится по плану, который явно недоработан. На проектирование и строительство затрачены уже значительные средства, но, как видим, многое меняется на ходу, в спешке, проверяется в натуре, когда здание построено и допущенные ошибки исправить невозможно.

Я думаю, что проектировщики и главный архитектор города тов. Добровольский должны вывести свой проект на широкое обсуждение. Это надо сделать, не откладывая, пока еще не поздно, хотя лучшее время уже упущено.

Хотелось бы, чтобы обсуждался макет нового Крещатика. Ведь на аккуртно вычерченных фасадах и живописно нарисованных перспективах всегда получается красиво, в жизни же, к сожалению, не всегда.

Еще одно замечание. Непонятно, почему так узок круг архитекторов, работающих над восстановлением Крещатика? Почему не привлечена к проектированию Академия архитектуры УССР? Почему не объявляются конкурсы на отдельные объекты Крещатика? В таких конкурсах могли бы принять участие десятки архитекторов со всех концов страны; сейчас же, как это ни странно, в застройке Крещатика участвуют (в различных комбинациях) только авторы проекта. Отдавая должное их знаниям и способностям, нельзя не выразить опасение, что, при столь узком круге участников, архитектура Крещатика грозит весьма опасное однообразие.

Еще не все упущено. Есть еще время исправить ошибки и недостатки. Есть все условия, чтобы создать Крещатик таким, каким он должен быть, — красивым, приятным, радостным.

В четвертых классах на днях закончились экзамены. Ученики четвертого класса 22-й школы г. Свердловска так же, как сотни тысяч их сверстников во всех городах и селах страны, впервые отчитываются в том, насколько успешно усваивают они основы наук. Понятно, с какой гордостью, с каким волнением ожидали они свой первый в жизни экзамен, с каким волнением следили за ответами подруг.

Фото М. АЛЬПЕРТА

Евг. ШАТУНОВСКИЙ

ФЕЛЬЕТОН

Не повторяю я никогда...

Переводчик Вавилонцев и Столптовренченко предложили перевести два стихотворения — одно — джемшидского поэта, а другое — удмуртского.

— Лучшее мы переведем джемшидского поэта, — сказал Вавилонцев, вспоминая, что его сестра, жившая во время эвакуации в Туркмении, как-то упоминала такую народность.

— А разве вы знаете фарсидский язык? — Простите, причём тут фарсидский? Я беру джемшида.

— Но джемшиды говорят по-фарсидски. Это мне известно, — покрываясь испариной, сказал Вавилонцев. — Но все равно, я сохраню джемшидский колорит!

Язык, с которого надо было переводить, они не знали. Стихотворение это, написанное в первой половине XIX века, в оригинале звучало так:

Не повторяю я никогда.
Вторичной жизни не бывает.
Вспомнишь, как вода,
Передо мною проплавает:
Я был рабом любви. Я был
Ее рабом, сожженным жалдой!
Но я бы дважды ей служил,
Когда бы жил на свете дважды!

В подстрочнике, переведенное на русский, стихотворение выглядело не совсем так:

«Я не люблю говорить два раза. Прошло, как вода! В рабстве мне давали мало кушать и мало пить. Почему я должен служить два раза, а жить только один раз?»

— Какое чувство социального протеста! — воскликнули переводчики. — Однако, что значит: «Я не люблю говорить два раза»? Очевидно, это значит, — ответили они сами себе, — что незачем дважды говорить об одном и том же: феодальной строй должен быть свергнут!

Вавилонцев и Столптовренченко с прищипанным темпераментом перевели это стихотворение и, принеся его в редакцию, не положили на стол, а прочитали хором:

Довольно говорить!
Кулак —
вот наше слово!
Нам не давали пить,
Нас втиснули в окопы!
Но хватит голодать!
Пусть как борьбы приходит!
Двух жизней не бывает —
Одну отдам свободой!

— Ничего, — поморщился редактор, — конечно, не по-перломтовски...

— Вот это и ценно! Влияние Мцыри! Отголоски с Кавказа! Один и тот же век! Отголоски, даже совместная ссылка...

Альманах вышел в свет, и стихотворение прочли в Туркмении.

— Однако наш лирик — бунтарь! Это ж призыв к революции! Почему я не знаю этого стихотворения? Где оно у нас напечатано? — спросил редактор.

— У нас его нет, — ответил известный лирик, — возможно, что оно еще в прошлом веке тайно попало в Россию, и теперь там появился его перевод...

— Надо немедленно ознакомиться наших читателей, — сказал редактор.

Почтенный лирик отдал сделать построчник тому самому товарищу, который делал его, когда переводили стихотворение с фарсидского на русский язык.

На этот раз он перевел его снова на фарсидский, и в прозе оно выглядело так: «Разговор окончен! Заговорили кулаки! Морит голодом, продает в рабство! Хватит голодать! Мне не нужен тот свет — пусть на этом будет свобода!»

Когда в местном издательстве вновь получили оригинал, то установили следующие: а) оригинал называется «Не повторяю я никогда» и уже больше ста лет известен каждому школьнику; б) русский перевод ничего общего с подлинником не имеет; в) перевод на фарсидский язык не имеет ничего общего со стихотворением на русском языке; г) если бы не выписали оригинала из редакции альманаха, стихотворение могло бы ходить туда и обратно, «не повторяясь никогда», и, в конце концов, на обоих языках появилось бы полное собрание писем не сочиненных сочинений. Но оно не появилось по двум причинам.

Во-первых, потому что мы все это выдумали. Во-вторых, еще и потому, что литераторы, занимающиеся переводами произведений братских литератур, как правило, относятся к своему делу ответственно и вдумчиво, если только не считают отдельных случаев, вроде истории, происшедшей в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Тут нам очень хотелось бы остановиться, потому что в дальнейшем придется перейти на личности, а мы знаем, что это чревато...

Но... продолжим свои летописи.

В глубоких недрах вышеуказанного института в апреле 1952 года сформировалась очень важная по своей теме исследовательская работа о песнях и стихотворениях известного башкирского поэта-импровизатора, участника Пугачевского восстания — Салавата Юлаева.

Кроме песен знаменитого импровизатора, опубликованных еще до революции, составитель сборника А. Харисов включил в свою работу ряд вновь открытых текстов.

Хорошо известно, как тяжела и кропотлива, но вместе с тем и увлекательна работа литературного исследователя, открывателя тайн, своего рода следопыта. Поэтому, открыв сборник А. Харисова, мы заранее испытывали то волнение, которое всегда вызывает чужая настойчивость и неутомимый труд.

И верно. Работа А. Харисова потребовала от него немалых затрат. За 60 к. он купил вышедший в Госиздате еще в 1930 году роман С. Злобина «Салават Юлаев». Бестрепетной рукой отважного исследователя он открыл книгу и, дойдя до 175-й страницы, в лихорадочном возбуждении воскликнул: «Нашел!» (в переводе с русского языка на башкирский это звучит: «Табыйды!» а с башкирского на греческий: «Эврика!»).

Здесь, на 175-й странице романа «Салават Юлаев» А. Харисов нашел стихотворение «Ореван», принадлежавшее, как и большинство стихотворений в этом романе, С. Злобину, а не Салавату Юлаеву, о чем есть специальная оговорка в примечаниях автора на 384-й странице: «Часть песен Салавата переведена, часть же их вымышлена автором книги».

Однако, охваченный совершенно понятным азартом исследователя, А. Харисов, дойдя до 175-й страницы, до 384-й не дошел и, вырвав стихотворение С. Злобина «Ореван», учинил перевод этого произведения с русского языка на башкирский и немедленно вслед за этим — с башкирского снова на русский! Какое-то произведение на двух языках поместил в своей работе. О, счастье! О, ликование открывателя чужих приключений! Стихотворение С. Злобина стало принадлежать С. Юлаеву. Из двадцати восьми строк на русском языке оно превратилось в тридцать пять строк на том же русском языке. (Дорожные издержки!). Появилась, наконец, и необходимая самобытность. Строка С. Злобина «Голову отрубил, на пилу воткнул пусай» приобрела в переводе Харисова новую звучность: «Пусть, отрубив голову мечом, — на острие пики водрузит».

Все же остальное в стихотворении С. Злобина, издаваемом А. Харисовым за стихотворение С. Юлаева, осталось в той сохранности, в которой должно остаться стихотворение при его переводе с русского языка на русский. И только брюхатающая кобыла у А. Харисова превратилась почему-то в «сужребу». Но говорят, что при таких операциях это возможно.

Мы не анализируем остальных «вновь найденных» А. Харисовым стихотворений, но, видимо, этой совершенно необходимой работы не делал и сам Башкирский филиал Академии наук СССР.

А надо бы... Надо было бы разобраться, чтобы в дальнейшем история со стихотворением «Не повторяю я никогда» не повторялась никогда. Мы верим в это,

В рейс по Волго-Донскому каналу отплавил судно. Экипаж буксирного теплохода № 306 в соревновании речников завоевал право первым шловоаться по каналу. На снимке: механик Г. Ируллин, капитан А. Игнатьев и старший штурман А. Баранов.

Фото В. ПУШКИНА

Заметки о новом Резцы инженера Черасова

Подземные дворцы метро, триумфальные арки и шлозы Волго-Дона, высокие здания и другие архитектурные сооружения нашей эпохи одеваются разноцветными плитками мрамора, туфа, известняка, гранита.

Все больше и больше требуют строители безукоризненно отделанных облицовочных каменных плит. Старая, освещенная веками техника обработки камня давно уже не удовлетворяет требованиям жизни.

И вот советские новаторы смогли использовать камень.

Над массивной глыбой мрамора занесены стальная зубчатая цепь, состоящая из тридцати пяти параллельно поставленных длинных пил. Это — пиломара лауреата Сталинской премии Н. Е. Черасова.

Пиломара медленно опускается на мраморную глыбу. Николай Еремеевич включает чек, и агрегат начинает распиливать камень сразу на тридцать четыре — тридцать шесть плит. Восемьсот резцов, «грязь» мрамор до полного своего износа, напильники от восьмидесяти до тысячи шестисот квадратных метров плит. Мы говорим «до полного износа» потому, что резцы Черасова не тупятся от работы, а лишь изнашиваются, не теряя остроты своих лезвий, самозатачиваясь в процессе работы.

Идея самозатачивания резцов тов. Черасов позаимствовал у известного русского изобретателя Александра Михайловича Игнатьева. Бюджет по образованию, Игнатьев еще в 1912 году установил, что зубы бензиновой, когтя щипцов, когтя птиц никогда не тупятся. Исследуя строение речушек и колонок органов животных, Игнатьев пришел к выводу, что этот опыт природы можно перенести в технику. Близким другом Игнатьева был Алексей Максимович Горький, оказавший ему моральную и материальную поддержку. Игнатьев добился выдающихся результатов в области самозатачивания самых различных инструментов. Однако он умер, не доведя своего дела до конца.

После смерти выдающегося изобретателя нашлись последователи его идеи, среди которых — инженер Черасов, руководивший лабораторией резания горных пород Научно-исследовательского института железнодорожного строительства и проектирования.

Резец Черасова состоит из пластины твердого сплава и маленькой стальной державки, служащей для крепления резца в пиле. При движении пиломары вперед резец соприкасается с камнем, вследствие чего тупится. При обратном ходе резец вместе с державкой поворачивается под небольшим углом и прижимается к камню всей гранью. Благодаря трению грани о камень резец восстанавливает утраченную остроту. Регулируя таким образом износ инструмента, инженер Черасов добился сохранения постоянного угла резания, то есть самозатачивания огромных пил.

Вокруг новатора сейчас группируются энтузиасты широкого внедрения новых инструментов в промышленность, обрабатывающую горные породы. В Ленинграде уже сейчас с успехом работают пиломары Черасова, на многих предприятиях других городов созданы службы для крепления резца в пиле. При движении пиломары вперед резец соприкасается с камнем, вследствие чего тупится. При обратном ходе резец вместе с державкой поворачивается под небольшим углом и прижимается к камню всей гранью. Благодаря трению грани о камень резец восстанавливает утраченную остроту. Регулируя таким образом износ инструмента, инженер Черасов добился сохранения постоянного угла резания, то есть самозатачивания огромных пил.

Правильно организовать труд ученых

ОБЗОР ПИСЕМ

организовать труд ученых

Для передовой советской науки, прикладной вместе со всем нашим пародом решающие задачи строительства коммунистического общества, вопрос о наиболее рациональной организации труда ученых имеет важное значение.

5 февраля с. г. «Литературная газета» опубликовала статью «Об организации труда ученых». В статье ставился на обсуждение два вопроса: о непроизводительной трате времени учеными на выполнение чисто технических дел и о необходимости более широкого применения в научно-исследовательских учреждениях новейшего технического оборудования.

Статья вызвала живой отклик читателей. Научные работники, преподаватели вузов, инженеры в своих письмах вскрывают причины, мешающие плодотворной работе ученых, указывают пути для устранения недостатков.

В. Злышев, научный сотрудник института «Росинимс» (Москва), считает, что вопросы, поднятые в газете, следует рассматривать шире. По его мнению, должна быть улучшена организация научно-исследовательской работы в целом.

«Отсутствие единого плана научно-исследовательской работы в масштабе определенной отрасли промышленности», — пишет он, — является одним из наиболее существенных недостатков. Например, научно-исследовательские работы в области промышленности строительных материалов распределены по различным министерствам, проектным институтам, высшим учебным заведениям и т. д. Тематические планы всех этих учреждений строятся изолированно. Систематический выпуск сборников диссертаций поможет информировать большой круг научных и практических

работников о производленной работе, исключит возможность дублирования тем, будет содействовать более широкому внедрению научных работ в промышленность.

На необходимость более широкого издания справочной литературы и особенно реферативных сборников, как по изданным, так и по рукописным работам, указывает кандидат биологических наук С. Троицкий (Ростов-на-Дону).

История ответственной науки изобилует яркими примерами блестящей организации научных исследований, которым должны и ныне следовать наши ученые.

«Замечательные образцы организации научного творчества», — пишет проф. А. Гелесевич (Москва), — мы находим у корифеев русской науки, а прежде всего у Ивана Петровича Павлова. Работа в его лабораториях может служить примером организации коллективного труда. К сожалению, надо признать, что эти образцы не пропагандируются».

Автор письма считает, что для лучшего обеспечения всех лабораторий необходимым оборудованием и правильного его использования было бы целесообразно создать при отделах Академии наук и при министерствах прокатные и обменные фонды оборудования.

Недостаточное внедрение новой аппаратуры в практику научных исследований имеет место в самых различных областях. Это, как указывают читатели, тем более недопустимо, что государство ассигнует огромные средства на оснащение научно-исследовательских учреждений, а промышленность производит первоклассное оборудование.

Кандидаты сельскохозяйственных наук В. Моткин и К. Шуга (Ленинградское отделение Всесоюзного института удобрений, агрохимии и агропочвоведения) для

иллюстрации этого положения приводят следующий факт:

«Обмолот, отбевание зерна из урожая, полученного в вегетационных и мелкоделюльных опытах, выполняются, как правило, кропотливым ручным трудом, хотя для этого могут быть использованы электрические маломощные машины высокой производительности. Необходимо только наладить выпуск их в достаточном количестве».

Группа ученых считает полезным периодическое объявление конкурсов на создание новой и усовершенствование старой аппаратуры.

Оживленный обмен мнений вызвал у читателей вопрос о непроизводительной трате времени учеными на выполнение различных технических обязанностей, на что из-за отсутствия достаточного количества лаборантов ученые вынуждены тратить массу ценного для науки времени.

Кандидат технических наук В. Гоберман и инженер В. Борождин (Москва) присоединяются в этом вопросе к автору статьи. Они пишут:

«Научному сотруднику иногда приходится тратить свое время на выполнение различных слесарных и механических работ, а основную научную, экспериментальную работу откладывать на задний план. Вряд ли является оспоримым фактом, что научный сотрудник будет наиболее полезен на том участке, где он в полной мере сумеет применить свои знания и способности».

Эту точку зрения поддерживает кандидат биологических наук И. Леванидова (г. Хабаровск), научный работник М. Орлова (ст. Исакогорка, Архангельской области) и другие читатели, принявшие участие в обсуждении статьи.

Колоссальным резервом науки являются наши высшие учебные заведения. Профессора и преподаватели вузов создали немало ценных научных работ, многие из которых внедрены в практику сельскохозяйственной промышленности и сельского хозяйства.

Как же поставлены в вузах научные исследования, что мешает их наиболее продуктивности, — вопросы эти, как пока-

зывают высказывания читателей, являются наиболее важными и требуют серьезного улучшения.

Доцент Сельскохозяйственного института А. Хрептова (г. Молотов) пишет:

«Каждый научный работник вуза занят исследовательской работой, часто связанной с актуальными народнохозяйственными проблемами. Однако при выполнении этих работ приходится иногда, из-за отсутствия технического персонала и перегрузки педагогической деятельностью, отказываться от углубленных исследований и ограничиваться теми, которые «спод силу».

Для более успешного решения крупных научных проблем проф. А. Бергер (Ленинград) считает разумным объединить силы одинаковых кафедр разных вузов. Такое объединение, по его мнению, может дать самые плодотворные результаты.

Читатель Г. Петров (г. Вадушкин, Московской обл.) обращает внимание на то, что надо всячески поддерживать инициативу каждого члена научного коллектива, охранять авторство каждого сотрудника.

Некоторые научные институты и высшие учебные заведения дают примеры правильной организации работы, добиваясь наибольших успехов в разработке актуальных научных проблем. Необходимо изучать опыт организации труда передовых научных коллективов и распространять его.

Активное обсуждение читателями статьи «Об организации труда ученых» показывает, что вопрос этот волнует научную общественность, а факты, приведенные в статье, подтверждают вытекающее из этого дело в ряде научных учреждений.

Редакция разделяет предложение читателей о том, что вопрос о более правильной и разумной организации труда ученых должен стать предметом серьезного и всестороннего обсуждения как внутри научных учреждений, так и в руководящих научных органах и министерствах.

Уроки мастерства

Книжка М. Исаковского «О поэтическом мастерстве» — это мемуарный разговор с читателем и мимолетный разговор на чистоту, прямой и душевный — такой же, как сама поэзия Исаковского. В книжке поставлены важные вопросы творчества: о том, что такое мастерство, что такое художественное качество и в чем заключается природа поэтического таланта. И решаются не в ходе отвлеченного теоретического рассуждения, а на живых примерах, в свободном и заинтересованном творческом споре с логичным пониманием этих важнейших проблем, с сожалением, еще широко бытующим среди начинающих авторов, а иногда даже и среди профессиональных литераторов.

Именно к начинающим в первую очередь и обращена книжка М. Исаковского, состоящая из нескольких бесед и статей, а также из подбора десятков писем к молодым авторам писем и стихов.

Она полна большим человеческим уважением к гражданам Советской страны, пробующим свои силы в трудном и почетном поэтическом ремесле. Это уважение к адресату чувствуется в каждой странице, в каждой строчке книжки М. Исаковского. Оно сказывается и в том, как подробно, обстоятельно, аргументированно разбирает поэт несовершенные опыты своих младших товарищей, и в том, с какой широтой привлекает М. Исаковский для иллюстрации своих мыслей творения величайших поэтов, наглядно раскрывая в их поэтических произведениях общие законы художественного мастерства, и наконец, в том, как, уча своих корреспондентов, М. Исаковский нигде не владеет в обидный менторский тон. Все эти неоспоримые достоинства книжки М. Исаковского сразу получают читателя, открывая автору прямую дорогу к его сердцу.

Мысли, популяризируемые Исаковским, выношены им на протяжении долгих лет его собственного творческого пути, они извлечены из опыта классической и советской поэзии. Потому-то они и приобретают такую убедительность, такую серьезность и глубину.

«Быть в поэзии по-настоящему оригинальным и самобытным, не похожим на других», — пишет М. Исаковский, — это прежде всего значит оставаться самим собой (о чем я уже упоминал раньше). Это значит пролить в поэзии те человеческие качества, те духовные силы, которые в тебе заложены. Поэтический талант не есть нечто самоизолирующее, независимое от личности поэта. Он органически, неразрывно связан со всем внутренним обликом поэта. Он существует не сам по себе и является лишь средством особого (поэтического) проявления личности человека, его характерных черт, его мыслей и чувств».

В приведенном отрывке, думается, и заключается основной тезис книжки М. Исаковского. Именно отсюда проистекает глубокая убежденность его автора в том, что было бы что сказать поэту, был бы серьезен и значителен опыт его жизни, его взгляды на мир, а неповторимые слова, а средства, необходимые для выражения этого содержания, поэт обязательно найдет в процессе овладения культурой, знаниями, навыками стихотворчества.

Поэтом так плодотворна и вся система рассуждений М. Исаковского о поэтическом мастерстве — он понимает его не формально и не абстрактно, а как наиболее совершенный способ выразить данное конкретное содержание. Он убедительно раскрывает это и на разборе стихотворения И. Некрасова «Песня в долине» и на многочисленных примерах из творчества А. Блока, А. Твардовского, А. Суркова и других поэтов. Он скуповато, с точностью разбирает плохие, неудачные тексты песен, сочиняемые некоторыми незадачливыми авторами, разбирает, чтобы показать, как бедность, неясность, неопределенность содержания, как недостаток мастерства.

М. Исаковский. «О поэтическом мастерстве». Советский писатель, М. 1952.

держания порождают убогие, стандартные, банальные, подражательные, по сути дела, антихудожественные средства выражения. Эти мысли проведены в книжке Исаковского стройно, последовательно, убедительно. В этом цельность и сила книги.

Советы М. Исаковского начинающим писателям очень просты и в то же время содержат большую и трудную, поистине жизненную программу. Ее можно сформулировать следующим образом: писать надо так, чтобы совершенно выразить свой индивидуальный жизненный опыт, являющийся частью жизненного опыта советского народа в целом. Выполнить эти советы не просто. Но бороться за перо только и стоит в том случае, если автор ставит перед собой задачи, достойные истинного поэта.

На протяжении всей книжки М. Исаковский нигде специально не говорит об исключительной трудности поэтического творчества, но в целом ряде высказываемых поэтом положений эта идея как бы существует в скрытом виде. Отсюда и вырастает та высокая требовательность к поэтическому мастерству, которая рождает письма Исаковского к начинающим писателям с теми высокими образцами, от которых они ведут свое происхождение, — письмами М. Горького к начинающим писателям. В своих скупых и сдержанных похвалах, в своих суровых оценках действительности плохих строчек и строф, в трезвых и требовательных советах не увлекается своим «талантом», а настойчиво учится, расширяет свой кругозор, обогащает себя всей сокровищницей знаний, накопленных человечеством, — во всем этом Исаковский следует примеру Горького.

И в то же время за каждым его конкретным советом или критическим замечанием чувствуется его собственный опыт, его собственное убеждение, выношенное, прошедшее практическую проверку.

«Поэтическое мастерство обязательно не только в стихах, предназначенных для чтения, но также и в стихах, которые будут петь», — говорит М. Исаковский. Глубоко справедливо это своего рода положение, высказанное в беседе со студентами Литературного института имени Горького, М. Исаковский подтверждает на разборе многих песен. Он демонстрирует молодым писателям, как излияния вычурности или надуманности портят песню, как не терпит песня перегрузки деталями (эту мысль автор саморитмически раскрывает на разборе одной из своих песен, которую считает неудачной), как вредит подлинной поэтичности плохое знание жизни, как важны законы песенного текста, который должен обязательно петься вслух, а не просто читаться глазами, как помогает песне сюжетная стройность, четкость мысли, как вредит песне подражательность.

«Вряд ли нужно доказывать», — говорит М. Исаковский, — что во всяком истинно художественном произведении и содержание и форма его выражения слиты воедино. И читатель волею судьбы произведение, в котором богатое содержание обделено в соответствии с его формой. Если же содержание выражено кое-как, неряшливо, малорачетно, то оно «меркнет», не доходит до читателя, не трогает его».

Особое значение имеют мысли Исаковского о природе поэтического таланта. В отдельных письмах, обращенных к начинающим авторам, он не раз предостерегает их от преждевременного и некритического увлечения собственным поэтическим дарованием. В обобщающей эти наблюдения статье «О поэтическом таланте» поэт рассказывает о своем глубоко поучительном опыте. Попутно он делает очень важные, принципиальные замечания: «Написать хорошее произведение случайно невозможно». Это означает, что наличие таланта предполагает очень высокую степень образования, расширение круга знаний и навыков, куда входят и сложный комплекс идей, составляющих мировоззрение поэта.

и огромная сумма положительных знаний, без которых нет и не может быть подлинно художественного творчества, и те особые «единственные, незаменимые слова», при помощи которых работает поэт.

Заслуживают быть отмеченными и некоторые другие особенности взглядов, высказываемых М. Исаковским. Особенно интересны его рассуждения о фольклоре. С предубеждением относятся к искусственному, оранжерейному культивированию различных исторически изживших себя форм народного творчества (например, поэт сириндливо, на мой взгляд, возражает против возрождения в наши дни профессии сказителей былин). Исаковский многообразно и многократно возвращается к мысли о плодотворности и необходимости творческого усвоения поэтами богатейшего фольклорного наследства, о том новом слове, который образуется из органического сочетания княждей и фольклорной традиций.

Опыт-таки и это положено в книжке Исаковского — не теоретическая догма, а насыщенная конкретностью мысль. Аргументируя поэмами и стихами И. Некрасова, А. Твардовского, А. Суркова, обращаясь к живым примерам из своего собственного опыта, М. Исаковский воссоздает единую линию подлинного творческого отношения к богатствам народного эпоса и лирики как со стороны великих русских классиков, так и со стороны советских поэтов. Да и при разборе некоторых других сторон поэтической работы у Исаковского ощущается эта линия историко-культурной преемственности, линия органической связи между советской и русской классической литературой.

Жаль, что рецензируемый сборник не полон. В нем отсутствуют некоторые работы Исаковского, существенно важные для полноты того художественного мироздания, выражению которого он служит. Так, почему-то опущена статья «Заметки о поэзии» (1949). Эта статья ценна своей боевой направленностью против формализма в поэзии. Правда, в ней содержится оптимистическое утверждение, будто у Маяковского нашим современникам следует учиться «всему, что содержится в его поэзии»; тем самым Исаковский вставал на позиции отрицания значения поэтики Маяковского, за что его статья в свое время и подверглась справедливой критике в печати. Однако эта ошибка могла быть исправлена автором, и тогда его «Заметки о поэзии» продолжали бы свою полезную службу. Впрочем, М. Исаковский не воспользовался такой возможностью. Желательно, на мой взгляд, было бы и включение в разбираемый сборник «Заметок об одной статье» (1951), где подробно и интересно развиты те мысли о фольклоре и его творческом преобразовании в современной литературе, которые в других статьях М. Исаковского лишь тезисно намечены.

Можно лишь пожелать, чтобы в новом издании этого полезного сборника мы прочли и эти работы в полном, разном и исправленном виде.

Книжка М. Исаковского есть выражение не только его личного поэтического опыта, она в краткой форме как бы суммирует и обобщает опыт нашей передовой советской реалистической поэзии, с теорией присутствующей ей демократизму, народности, с комплексом ее художественных приемов, сочетанием естественности и простоты выражения с идеей глубиной и большевистской целеустремленностью содержания. Надо надеяться, что вслед за книжкой М. Исаковского появятся новые работы этого рода — старшие мастера советской поэзии, прозы, драматургии должны систематически передавать накопленный ими драгоценный опыт новым поколениям литераторов. Пусть работа М. Исаковского является одной из первых в потоке разных и не схожих между собой книг писательского о литературном мастерстве, книг, наущающих к необходимости и нетерпеливо ожидаемых читателем.

Певец великой дружбы

Сопни, море и небо изображены в обложке тоненькой книжки стихов «Родное небо» — первого на русском языке сборника произведений литовского поэта Антанаса Венцлова. В книге этой, изданной в Москве незадолго до конца Великой Отечественной войны, были разные стихи, но все они были проникнуты мечтой о родной Литве. Оружием стиха сражался поэт за освобождение своей родины от ненавистного врага.

На обложке нового сборника избранных произведений А. Венцлова, вышедшего в Литве в 1951 году и удостоенного Сталинской премии, пришлось бы изобразить и нефтяные вышки Баку, и зеленые лесополосы в заволожской степи, и горные склоны Грузии, и огни новостроек. Расширился география книги и кругозор автора, дальше летит его поэзия. И если в стихотворении, открывавшем первую книгу стихов, автор писал:

...Завещал мне петь народ мой вольный
Так, как поет деревья на ветру,
Как шелест травы и плещут волны,
Как эхо откликается в бору,

то в стихотворении «Вдохновение», которое помещено в книге избранных произведений А. Венцлова говорит:

К высоким песням требует поэта
Великая работа наших дней.

С гордостью ощущает лирический герой стихотворения, что он

...меж тех рожен,
Чей волей наша движется планета
В простор огромный радостных времен,
Где, словно солнце, светит век грядущий,
Из мощных пятилетий сотворен.

Расширение поэтического кругозора, обогащение тематики творчества Антанаса Венцлова закономерно и логично. Сын литовского крестьянина, добившийся известности как поэт, публицист, переводчик, ученый, А. Венцлова еще в годы фашистского режима Сметоны был одним из вожаков нового прогрессивного направления в литовской литературе, редактором литературно-художественного журнала «Третий фронт» — наиболее прогрессивного для своего времени издания. Особенно велик его интерес к Советскому Союзу — отечеству тружеников. В 1936 году вместе с поэтом Петрасом Швирака он совершил большую поездку по СССР, которая, убедительно показав преимущества советской системы перед буржуазным укладом жизни в капиталистических странах, помогла окончательно формированию мировоззрения А. Венцлова.

И когда в 1940 году Литва вошла в семью советских народов, поэту захотелось охватить всю страну влюбленным взглядом, везде побывать, обо всем рассказать своим соотечественникам. Отсюда многообразие тем в его творчестве, объединенных величавым мотивом всей нашей многонациональной советской литературы — темой сталинской дружбы народов.

В стихах о Ленине и Сталине, в поэтических зарисовках столицы нашей Родины Москвы («В зале имени Чайковского»), в рассказе о поездке на родину Пушкина, за освобождение которой сражались и воины-литовцы («Село Михайловское»), в

кавказских встречах поэта («Пир в горах») с большой силой звучит основная тема творчества Антанаса Венцлова.

Это братаря ей, великой дружбе народов, оживленно сегодня в литовском портовом городе, куда выехал из Ленинграда привезли хлопок и машины («В гавани»). Это она, дружба народов Советской страны, принесла вместе с новейшим сталинградским трактором весну и счастье в молодой литовский колхоз («Весенний праздник в колхозе «Новый путь»). Это ее, советскую дружбу народов, видит автор в самоотверженном труде бакинских нефтяников, добывающих «жидкое золото» для страны («Петь»).

Как полноправный хозяин, проходит по своей большой Родине лирический герой многих произведений Антанаса Венцлова. Но есть в этом поэтическом путешествии, в желании охватить сразу слишком многое реальная опасность для автора. В творчестве его в прошлом были и серьезность и «пейзажное» восприятие действительности. Поэт не до конца преодолел их, поэтому в том же стихотворении «Петь» немало поверхностных наблюдений, легковесных строк:

Проходил я мимо вышек,
Видел я вдали морскую,
Очарован был работой
Механизмов и людей...

А хочется, чтобы поэт не просто прошел «мимо вышек», очаровываясь на ходу «работой механизмов и людей», хочется, чтобы он показал живые черты этих людей, создающих мощь и славу своей Отчизны, людей, чей героический труд является залогом мира.

Естественно в «Избранном» слияние темы дружбы народов с темой борьбы за мир. «На берегу Дуная», «Варшава ночью и днем», «Прага», «Европа»... Названия стихов спокойны, но огонь и страсть — в каждой строчке. Поэт видит первые флажки на берегу Дуная, каштаны на улицах Праги, но он помнит и другое: кровью борцов армий освобождения, советских воинов полны эти камни, пример героев поднимает людей на новые трудовые подвиги.

Главными словами клеветник поэт тех, кто хотел бы повернуть колесо истории вспять, вернуть черные дни провала и насилия. Не зрителем, грозным обвинителем — ощущает он себя в Доме металлургов в Бульваре, на процессе американских наемников, шпионов и террористов («Суд в Буапеште»).

Вот Ласло Райк. Вспомнись в его черты
И выбей noch из пятери комстовой,
Чтобы в часы полночной темноты,
Не рыскал он со всей своей оравой.
Ведь это он грозил из мрака нам
Эмзным ядом панского проклятья.
Ведь это он вчера стрелял в Тольяти,
Минировал Пирей, бомбил Вьетнам,
— И снова нож оковаленный точит,
Поработить народы мира хочет.

Патриотом социалистической Родины, певцом дружбы народов, активным борцом за мир предстает перед читателем один из выдающихся литовских и деятелей Советской Литвы — Антанас Венцлова.

К. ЛАПИН

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СТАРЫЕ ОШИБКИ В НОВОМ ОБЛИЧИИ»

В статье Б. Рюрикова «Старые ошибки в новом обличи» была подвергнута критике напечатанная в журнале «Известия Академии наук СССР» Отделение литературы и языка статья Г. Тимохинова «К вопросу о традициях и идеях влияния». Редакционная коллегия журнала признала очевидными опубликованные статьи Г. Тимохинова.

Редакция журнала отметила, что утверждения Г. С. Тимохинова о том, что в советском литературоведении наблюдаются якобы тенденции к отрицанию каких-либо

литературных влияний, в том числе и прогрессивных, являются неправильными. Гораздо о прогрессивных влияниях, автор статьи уделяет наибольшее внимание зарубежным влияниям на русскую литературу и обходит вопрос о плодотворном воздействии передовой русской мысли прошлого на мировую культуру.

Выступившие «Литературной газете», указывавшие на недостаточную требовательность со стороны редакционной коллегии к публикуемым материалам, будут учтены в дальнейшей работе журнала.

Книги о драматургах

Законно желание многих и многих читателей видеть на своей книжной полке фундаментальный труд по истории советской драматургии. Пока это желание невыполнимо. Одной из серьезных причин, мешающих созданию такой работы, является то обстоятельство, что наши критики и театроведы далеко не достаточно исследовали творчество советских драматургов в отдельности. Вот почему можно от души порадоваться тому, что в последние годы заметно повысился интерес исследователей к монографическому жанру. В издательстве «Советский писатель» готовится монография о К. Треневе. Издательство «Искусство» предполагает в скором времени выпустить работу, посвященную драматургии А. Корнейчука. Уже вышли в свет книги А. Богуславского об А. Афиногенове и И. Эвентово об А. Лавреневе.

Обе эти вышедшие книги принесут известную пользу читателям. Авторы монографий сообщают немало интересных сведений о писательской и общественной деятельности Б. Лавренева и А. Афиногенова, верно оценивая идейно-художественные качества ряда их произведений. В обеих книгах не сглаживается, не приукрашивается сложный творческий путь драматургов, а делается попытка (правда, не всегда удачно) разобраться в трудностях, которые стояли на этом пути.

Однако, вместе с тем, книги содержат серьезные недостатки, которые должны быть учтены в трудной работе по созданию монографий о наших драматургах.

Сорокалетний творческий путь Б. Лавренева задумал осветить в своем небольшом критико-биографическом очерке И. Эвентов: от юношеских стихотворений, весьма далеких от реализма, до выдающихся драматических произведений крупного советского писателя. Что и говорить — задача крайне трудная! Успешно решить ее можно лишь в том случае, если автор сумеет выделить главное и коротко коснуться

А. Богуславский. «А. А. Афиногенов. Очерк жизни и творчества». Изд. Академии наук СССР, Москва, 1952. Отв. редактор Е. И. Горбунов.

И. Эвентов. «Борис Лавренев». Критико-биографический очерк. «Советский писатель», Ленинград, 1951. Редактор В. С. Воеводин.

А ведь достаточно внимательно приглядеться к «Разлому», и станет ясно, в какой крепкий драматургический узел связаны все события, происходящие в пьесе, все судьбы героев: в драме нет ни одной «необходимой» сцены — каждый эпизод служит развитию четкого, стремительного сюжета. Скажем, диалог Ксения и Полевого может показаться на первый взгляд всего лишь «развязательным» эпизодом, в лучшем случае характеризующим испорченную девочку. Но попробуй-те «вынуть» его из пьесы, и действие остановится, ибо этот эпизод крепчайше, сюжетно связан с финалом. Сцена заговора у Штубе раскрывает разбойничьи планы белогардейщины, но она необходима и для раскрытия характера Берсенева.

Вот на подобные черты мастерства драматурга И. Эвентов обратил далеко не достояние внимание, а ведь именно в них становится ярким и поучительным опыт писателя. И опыт этот в его живой конкретности нужен сейчас больше, чем когда-либо, потому что он может и должен помочь в преодолении тяжелого положения, в котором оказалась наша драматургия.

А. Богуславский обратился к опыту другого советского драматурга — А. Афиногенова. Очерк жизни и творчества писателя представляет собою плод многолетнего труда автора, и это ощущается в привлечении большого, часто неупомянутого материала. Книга хорошо издана, снабжена научным аппаратом.

Но при всех этих несомненных достоинствах работы она вызывает чувство неудовлетворенности тем прежде всего, что автор не занял твердой и ясной позиции в оценке творчества Афиногенова. Читая книгу, и все время кажется, что автор оглядывается на каких-то злых и придирчивых критиков-логикомов и думает только о том, как бы не ошибиться.

А. Богуславский хочет быть объективным, хочет критически оценить каждое произведение писателя. Это очень хорошо. Но плохо то, что объективность эта обращается боком: выказывая свое определенное мнение о той или иной пьесе, о том или ином образе. Вместо того, чтобы выделиться в произведении главное, автор регистраторски подмечает достоинства и недостатки. Такой путь исследования приводит к вопиющим противоречиям и часто к несправедливым оценкам.

Вот наглядный пример исследователя-ской «осторожности» А. Богуславского. Положительно оценив образ Клары из «Страха», автор спешит оговориться: «Степанов, повзрослевший образ Климбаева и Елены Макаровой, сказаны, однако, и на образе Клары, которому, при всех его положительных качествах, недостает все же реалистической силы и полноты». Но можно ли всерьез говорить о положительных качествах образа, если ему недостает реалистической силы? Да и неверно это — образ Клары хорош именно правдивостью, реалистичностью.

Образец противоречивости являют собою странички книги, посвященные «Чудаку». Вот некоторые авторские оценки:

«Чулак» — первая пьеса Афиногенова, в которой есть научные попытки создать настоящие человеческие характеры, есть настоящий драматизм, стройная композиция, индивидуализированная речь персонажей».

«Афиногенов полметил и отразил важные жизненные явления: рост трудового энтузиазма на производстве, искреннее стремление рядовой советской интеллигенции к честному и активному участию в социалистическом строительстве».

И — одной строкой ниже: «Однако пьеса «Чулак» содержит весьма серьезные недостатки: неверны были ее драматургический замысел и главная драматическая коллизия».

Как же согласовать эти взаимоисключающие оценки, как сузить читателю о пьесе Афиногенова? Автор, видимо, ждал подобных вопросов и нашел выход в спастической формуле горе-рецензентов: «Несмотря на эти большие идейные недостатки, пьеса «Чулак» все же была значительным явлением в драматургии конца 20-х годов и в истории советской драматургии в целом».

Хорошая пьеса «Чулак», действительно, имеет серьезные недостатки. Образы старого рабочего Петра и комсомольца Федя Вишнякова несут на себе печать схематичности. Мелодраматическая линия Сима Мармер — Котова — Волгина чулка реалистическому существу пьесы. Есть в «Чудаке» и другие недостатки, о которых можно и нужно прямо сказать, не опираясь на пьесу в целом и не маскируя свое к ней отношение лютинной противоречивых суждений. Думается, что в критической позиции А. Богуславского многое идет от ханжеской, «границательной» критики, которая сподобовалась отставанию нашей драматур-

гии в последние годы. Приведем одну цитату из книги:

«В обрисовке образов обуржуазившихся коммунистов — директора фабрики Дробного и особенно председателиныя фабрика Тропиной — Афиногенов пошел по пути шаржа в карикатурного преувеличения... также директора и такие предубытки, по-первых, представляли собой исключительное явление, а, во-вторых, их неприятие все же не принимали таких гиперпропорциональных размеров, как у афиногеновских персонажей, которые, вследствие чрезмерного сгущения красок, лихались запредельно и убедительности, утрачивая реальный характер».

Не правда ли, эти суждения живо напоминают писания критиков, вливающих в сатирическом разоблачении отрицательных явлений действительности «попыры всех описаний» и постоянно прибегающих к жупелу «непипичности».

По и Волгин вызывает нареkania А. Богуславского: «Наивная восторженность, абстрактная мечтательность, жертвенность, самоограничение — все эти черты Волгина не вяжутся с обликом человека советской эпохи — или онут от прошлого, от дореволюционной интеллигенции».

Не говоря уже о том, что автор подходит к образу Волгина (как и всей пьесе в целом) неисторически, за этими громкими словами скрывается желание видеть из сцене обезличенных, построенных по схеме «природного» неких «идеальных» героев. Образ Лаврентия из «Далекого» также не нравится автору потому, что Афиногенов видел бывшего красноармейца индивидуалистическим пережитком.

Ну и что же? Почему глубоко презанний делу социализма Волгин не может быть мечтательным и наивно-восторженным, а Лаврентий — упрямым в своем неверном желании вырваться из Далекого? Это ведь и есть те индивидуальные черты характера, за которые как будто бы ругает автор монографию.

Вместе с тем на совещании отмечалось, что в работе Союза писателей республики имеется много недостатков, налицо серьезное отставание критики, драматургии и кинодраматургии. Театры Казахстана испытывают острую нужду в репертуаре, особенно на современные темы.

Незаслуженно заброшена работа среди акных — носителей изустных художественных памятников народа, создателей народной поэзии. Неудовлетворительно выявляется и воспитывается талантливая творческая молодежь.

Большой счет на совещании был предъявлен историкам, литературоведам, экономистам, философам, правоведам, языковедам республики, не создавшим из своих старших научных трудов по истории, экономике, культуре Казахстана советского периода. Ждут своего изучения и научной разработки важнейшие проблемы социалистического преобразования экономики, культурной революции. Писатели и литературоведы республики обязаны глубоко осветить вопросы казахского языка в свете трудов товарища Сталина, благотворное влияние передовой русской литературы на развитие казахской современной литературы, философские и общественно-политические взгляды Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева.

Обменявшись опытом, подвергнув критике недостатки, участники совещания внесли конкретные предложения, направленные на повышение уровня идеологической работы в республике. В заключение совещания выступил секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Шахметов.

60-летие К. Паустовского

Вчера в Центральном доме литераторов в связи с шестидесятилетием со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского состоялось георгиевский вечер писателя. Председатель вечера Л. Леонов предал слово для краткого доклада о жизни и творчестве юбиляра К. Зелинскому. Были оглашены приветствия от издательства, журналов, газет, писателей. В приветствии правления Союза советских писателей СССР говорится:

«Дорогой Константин Георгиевич! Правление Союза советских писателей СССР горючо приветствует и поздравляет Вас в день Вашего шестидесятилетия. Вы прошли большой жизненный и творческий путь отдавая все свои силы, способности и мастерство делу развития советской литературы. Ваши галантные книги о людях — преобразователях природы — «Кара-Бугаз», «Колхида», «Повесть о лесах» занимают видное место в нашей литературе и любимы миллионами советских читателей. Вы одним из первых советских писателей создали произведение о великих сталинских стройках коммунизма — повесть «Рождение моря».

Ваша плодотворная работа в области трудного и сложного жанра рассказа, требующего от писателя особенного мастерства, по заслугам оценена читателями и литературной общественностью страны.

Ярко и правдиво изображенные события, точные написанные детали, ясно очерченные образы героев, прекрасное описание природы нашей Родины — все это придает Вашим произведениям впечатляющую силу и весомость.

Ваши пьесы «Совезание Гончих Псов», «Простые сердца», «Получник Лермонтов» и особенно «Наш современник» поставлены многими театрами нашей страны и относятся к числу лучших произведений советской драматургии.

Правление Союза советских писателей СССР с особым удовлетворением отмечает Вашу многолетнюю активную деятельность по воспитанию молодых кадров советской литературы.

Желаем Вам, дорогой Константин Георгиевич, долгих лет жизни, здоровья и дальнейшей плодотворной творческой работы. На вечере выступили С. Антонов, А. Бек, Н. Емельянов, Д. Еремин, В. Каверин, В. Лидин, М. Прядеяева, М. Светлов, А. Сурков, А. Чаковский, В. Шкловский и другие. В заключение выступил К. Паустовский; он поблагодарил собравшихся за дружеские приветствия, рассказал о своей творческой работе.

Совещание по вопросам идеологической работы

АЛМА-АТА. (Наш корр.) Здесь состоялось республиканское совещание по вопросам идеологической работы, организованное ЦК КП(б) Казахстана. Более восьмидесяти партийных работников, деятелей культуры и науки участвовало в работе совещания. Доклад о ходе выполнения решений V съезда КП(б) Казахстана, VIII пленума ЦК КП(б) Казахстана и мерах по улучшению идеологической работы в парторганизациях республики сделал секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Сужиков. Охарактеризовав состояние идеологической работы в республике, докладчик подробно осветил задачи партийных организаций в области дальнейшей идеологической работы, пропаганды марксизма-ленинизма, агитации, народного образования, всех отраслей культуры социалистического Казахстана.

Руководящие историческими постановками ЦК КП(б) по идеологическим вопросам, казахская советская наука, литература и искусство добились известных успехов. Однако здесь имели место и серьезные ошибки, так как на идеологическом фронте Казахстана длительное время подвизалась группа историков и литературоведов, которые под флагом национальной культуры пропагандировали реакционные буржуазно-националистические идеи.

Опубликованная в «Правде» статья «Эт марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана», решения V съезда большевиков республики и VIII пленума ЦК КП(б) Казахстана помогли работникам идеологического фронта разобраться в существе допущенных ошибок и приступить к исправлению их.

За последнее время несколько оживилась деятельность Союза писателей республики. Писательская общественность стала чаще обсуждать отдельные произведения и проблемные вопросы литературы и искусства. Многие писатели Казахстана плодотворно работают над новыми произведениями. Доработал с учетом критических замечаний свой роман «Путь Абая» М. Ауэзов. Сейчас писатель закончил монографию Абая и написал киноповесть «Путь женщины» — о счастливой доле казахской советской женщины. С. Муканов доработал роман «Сыр-Дарья» для отдельного издания и пишет пьесу о выдающемся казахском просветителе Чокане Валиханове. Г. Мурзенов переделал свою пьесу «Амангельды» и закончил первую книгу романа «Триптих» — о казахском рабочем классе. Драматург М. Ахиянов создал пьесу «Ибрая Алтынсарина», А. Тажибаев — поэму о колхозниках «Цветущая степь», Г. Муфтазин закончил работу над романом «Караганда» для киноэкрана, «Каландар», теперь он пишет киноповесть «Камыш старейшина».

М. Зверев готовит книгу для юношества о великих стройках коммунизма — «Покорители пустыни».

Вместе с тем на совещании отмечалось, что в работе Союза писателей республики имеется много недостатков, налицо серьезное отставание критики, драматургии и кинодраматургии. Театры Казахстана испытывают острую нужду в репертуаре, особенно на современные темы.

Незаслуженно заброшена работа среди акных — носителей изустных художественных памятников народа, создателей народной поэзии. Неудовлетворительно выявляется и воспитывается талантливая творческая молодежь.

Большой счет на совещании был предъявлен историкам, литературоведам, экономистам, философам, правоведам, языковедам республики, не создавшим из своих старших научных трудов по истории, экономике, культуре Казахстана советского периода. Ждут своего изучения и научной разработки важнейшие проблемы социалистического преобразования экономики, культурной революции. Писатели и литературоведы республики обязаны глубоко осветить вопросы казахского языка в свете трудов товарища Сталина, благотворное влияние передовой русской литературы на развитие казахской современной литературы, философские и общественно-политические взгляды Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева.

Обменявшись опытом, подвергнув критике недостатки, участники совещания внесли конкретные предложения, направленные на повышение уровня идеологической работы в республике. В заключение совещания выступил секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Шахметов.

Свободу Жаку Дюкло!

Жак Дюкло

«...Происходящее во Франции сражение приобретает чрезвычайно большое значение именно в связи со стратегической важностью страны, но американские поджигатели войны не могут надеяться на то, что французский народ согласится подчиниться или же смирится. Во главе со своим рабочим классом и силой коммунистической партии он ведет борьбу и сумеет с каждым днем все активнее способствовать осуществлению великой победы дела мира и независимости народов над силами войны и угнетения»

(Из статьи Ж. Дюкло «Политические события во Франции»)

«Объединенные действия масс не раз заставляли откатываться надвигающуюся волну репрессий. Эти действия привели к оправданию Лионским военным трибуналом сторонников мира Роана, благодаря им было достигнуто освобождение заключенных из Сен-Бриэ. Наконец, благодаря этим действиям будет достигнуто освобождение всех узников, в числе которых находится юный моряк Ари Мартэн...»

Народ Франции хочет мира, он борется и он будет бороться, отстаивая свои интересы, — в этом убеждаются американские империалисты и их подручные».

(Из статьи «Франция хочет мира»)

«Сознавая себя, согласно прекрасному определению Мориса Тореза, «продолжателями Франции», мы говорим с уверенностью, что нас услышат и поймут: французы не могут смириться с наглой диктатурой, которую американцы хотят навязать нашей стране, диктатурой невежественных, презренных магнатов, до такой степени проникнутых сознанием превосходства доллара, что они полагают, что все можно купить».

(Из статьи «Политика французской компартии — политика единства, независимости, национального спасения и мира»)

«Американские оккупанты своим поведением вызывают глубокое негодование и гнев масс. Французы и французские испытывают к ним ту же ненависть, которую они испытывали к нацистским оккупантам, вновь поощряемым теперь в предвидении новой войны, являющейся продолжением войны Гитлера против народов, против демократии и социализма».

(Из статьи «Франция хочет мира»)

ПАРИЖ В ЭТИ ДНИ...

Доминика ДЕЗАНТИ

Стало известно, что в прошлую пятницу, накануне дня прибытия этого палача Кореи в столицу Франции, во всех парижских кварталах граждане, по призыву комитетов мира, вышли на улицы под лозунгом: «Риджуэ — за дверь!». Полиция в касках, с оружием в руках направила на демонстрантов. Они жестоко расправлялись с рабочими, студентами, домашними хозяйками. Отважные парижане, которые несли маленькие деревянные дощечки с надписями: «Риджуэ — за дверь!», «Риджуэ — убийца», «Мы добьемся мира!», избивали дубинками.

Эта первая демонстрация протеста, без сомнения, заставляла лиц, управляющих Францией, потерять голову. Утром «подарком» парижской полиции Риджуэ был арест главного редактора «Юманите», известного писателя Андре Стиля. Читатели «Литературной газеты», без сомнения, в курсе всех этих событий. Я хотела бы сообщить некоторые подробности того, что произошло.

Стиль был арестован утром того дня, когда парижане, по традиции, отправлялись на кладбище Пер ла Шез, к стене Коммунаров. Они чувствуют мучеников Коммуны, предшественников великих движений рабочего класса, движений, которые с тех пор преобразили лицо Европы и всего мира. И в это воскресенье парижане, как всегда, отправились на кладбище Пер ла Шез. Их лозунгами на этот раз были: «Освободим Андре Стиля!», «Риджуэ — за дверь!».

В то же воскресенье генерал от микробов прибыл в Париж. На этот раз полиция г-на Бейло не сошла с ума, прибегнув к помощи своей «бригады для приветствий», кланки наемников, поднаторевших на «торжественных встречах» заокеанских гостей. Любопытные не толпились вдоль пути кортежа. Однако на всем протяжении официального маршрута автомобилей через каждые пять метров с двух сторон стояли полицейские в касках, до зубов вооруженные, в любую минуту готовые к атаке.

В такой же напряженной атмосфере нацелась дождливый день 28 мая. Этот день, ознаменованный крупнейшей демонстрацией трудящихся Парижа против американской политики фашизма и войны, как известно, завершился новой провокацией реакционеров — незаконным арестом секретаря французской коммунистической партии, члена Национального собрания Франции Жака Дюкло. Черный акт правительства Пина, продиктованный из Вашингтона, еще более накалил атмосферу, заставив каждого патриота с новой силой осознать лежащую на нем ответственность за судьбы родины и мира в Европе.

Вот как парижане пережили этот день. Утро и весь день прошли в ожидании. На всех заводах, во всех кварталах бойцы за мир знали, что нынешний вечер будет историческим. Демонстрация протеста, назначенная на 28 мая, была запрещена властями. Площадь Республики, где должна была происходить демонстрация, с утра охранялась целой армией полицейских в черной форме, в стальных касках. Даже у входа в жалкие лагуны, населенные североафриканскими рабочими, стояли полицейские машины, присланные сюда под предлогом «предупредительных арестов».

После окончания работы патриоты прямо в рабочих костюмах вышли из своих кварталов. На плечах у многих были таблички все с теми же лозунгами: «Риджуэ — за дверь!», «Свободу Андре Стилю!».

Так расправляются со сторонниками мира молодцы префекта парижской полиции Бейло, ездившие недавно в США «приветствовать» американских гестаповцев. Из ФОТО — арест участников демонстрации парижских трудящихся. Снимок из чехословацкого журнала «Свет в образе»

стоят парижане. Из каждой маленькой улочки новые группы демонстрантов присоединяются к колоннам. И снова над рядами гремит «Марсельеза». У Северного вокзала наемники в черном, запрятавшиеся во дворах, бросаются в атаку. Трудящиеся Парижа пускают в ход единственное свое «оружие» — дощечки с лозунгами... Поступь народа грозна и величественна.

Я видела собственными глазами полицейских в касках, с ружьями и автоматическими пистолетами, которые бежали перед безоружными рабочими и забаррикадировались в здании вокзала. Но, удивляясь, некоторые из них трусливо отстраняются, и вот один из демонстрантов, раненый в ногу, падает...

Но колонна трудящихся, которая заставляла бежать полицейских, все увеличиваясь по дороге, продолжает свой путь до набережных знаменитого канала Сен Мартен, до бульвара Ла Виет, пересекает значительную часть столицы под непрерывные алломентации жителей, буквально висящих гроздьями на окнах. Колонны все идут и идут, непрерывно пополняясь парижанами, выходящими из лавок, из кафе, из домов...

Правительство Пина, послушно исполняя приказы Риджуэ и его хозяев, увидело, что, несмотря на все его старания, этот день — 28 мая 1952 года — запечатлется в памяти всех честных французов, как день решительного сопротивления фашизму и войне. И вот, через три часа после окончания демонстрации, когда на парижских улицах оставалась лишь одна полиция, правительство совершило, как известно, новую провокацию: полицейские ищейки незаконно арестовали Жака Дюкло.

Утром 29 мая вся Франция сжала кулаки. Пина и его сообщники, стремясь создать атмосферу паники и оправдать террористический выпад против Жака Дюкло и Андре Стиля, пытаются изобрести, сочинить «заговор». Однако обвинение, выдвинутое против руководителей компартии, настолько фантастично и нелепо, что «обвинителя» вынуждены были менять формулировку уже несколько раз. Чтобы создать хотя бы видимость законности, распотыянный самим правительством, теперь вытаскивают на свет законы... Второй империи. Для всякого, кто умеет читать, ясно: исполнители законов Наполеона III хотят убить республику, как они убили борца за мир на площади Сталинграда.

Буря протестов против актов фашистского насилия охватила весь Париж, всю Францию. В субботу и воскресенье на конгрессе Союза французских женщин, на конгрессе Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, на предпринятых в на улицах Парижа раздавалось одно и то же единодушное требование: «Освободить Жака Дюкло!».

Патриоты Франции не дают запугать себя ни полицейскими вылазками, ни фашистским террором. На наступление реакции французские рабочие, все трудящиеся Франция отвечают укреплением единства, сплочением своих рядов. Сегодня, 4 июня, по призыву Всесоюзной конфедерации труда начинается всеобщая забастовка протеста против провокационных действий правительства Пина, стремящегося с помощью фашистского провоза поддаться борьбе народа за мир, демократию и независимость, чтобы «укрепить» тыл агрессивных «атлантических армий» генералов — Риджуэ.

На помощь полицейским с их дубинками, автоматами и слезоточивым газом уже ринулись правые социалисты. Раскольников из так называемой «Фору урвьер» пытаются войти в ряды трудящихся, единодушно поднявшихся на защиту демократии и мира.

Но, несмотря на аресты, обыски, ложные обвинения, несмотря на атмосферу террора, которую пытаются сейчас распространить на всю Францию, правительство Пина и его хозяева начинают понимать, что им не легко повторить сегодня то, что некоторые называют «переворотом 1939 года», когда моншецки Даллес и Бонна, расчищая дорогу фашизму и войне, объявили компартии вне закона. Рабочий класс Франции нецеля запугать Риджуэ и его наемников никогда не удается поставить на колени французский народ. Реакция получит сокрушительный отпор. И лишь это утром в полной уверенности, что сегодняшняя забастовка во Франции покажет силу этого отпора. ПАРИЖ, 4 июня. (По телеграфу)

УОЛЛ-СТРИТ В ЛИЦАХ

Стояла весна 1949 года. Шла вторая часть заседаний третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В одной из комнат в здании секретариата ООН, в Лейк-Сакессе, за длинным выкрашенным бесцветным лаком подковообразным столом в три ряда сидели корреспонденты телеграфных агентств и газет почти всех стран мира. В середине наружного обвода стола-подковы, опершись на ручки кресла и подавшись всем корпусом вперед, сидел высокий сутулый человек с тупым коротким носом, загнутым книзу, старческим пухом на красной аполитической щеке и тонким бесформенным ртом, поминутно складывающимся в узкую, как прорезь, щель.

Уставившись бесцветными глазами в противоположную стену, человек этот — Джон Фостер Даллес, не торопясь, нарочито тихим голосом отвечал на вопросы корреспондентов. Прелесть, скользнув глазами по лицам окружающих, он ввернул свой взор в крохотный карандашник, которым выводил узоры на лежащем перед ним листке бумаги. Во всей его позе, в манере сидеть сквозь зубы извлекать упрощенные ответы сквозило нескрываемое презрение как к вопросам, так и к их авторам.

На пресс-конференции речь шла о подробностях разработанного Даллесом плана раздела бывших колоний Италии. Вопросы ему задавали немного, отвечал он на них односложно и уклончиво. Лишь когда один из американских корреспондентов спросил, получат ли Соединенные Штаты военные базы на территории бывших итальянских колоний, Даллес на минуту оживился и, усмехнувшись, дал понять, что об этом беспокоиться нечего. Воспользовавшись паузой, Даллес повернул сидящих устали в окно, где выдвинулись покрытые яркой апрельской зеленью молодые деревья. Юркий молодой человек, стоявший за его креслом, по-прежнему объяснял, что пресс-конференция закончена.

Спустя час Даллес сидел в одном из верхних этажей небоскреба по Уолл-стрит, № 48, в своем кабинете главы юридической фирмы «Салливан и Кромвелл». Юридическая фирма Даллеса невелика. На шести этажах разместились двадцать два главных партнера фирмы, среди которых брат Даллеса — Алаэн Даллес, 60 или 70 наемных адвокатов и 70 стенографисток. Однако в руках этой фирмы сосредоточено управление огромным количеством финансовых и промышленных корпораций. Партнеры «Салливан и Кромвелл» заседают в правлении более 40 компаний, где им зачастую принадлежит решающее слово.

Особой специальностью юридической фирмы Даллеса является оформление международных сделок американских монополий. Чикагская газета «Дейли Ньюс», характеризующая зарубежные связи даллесовской фирмы, указывала как-то, что представляемые ею крупные корпорации «могут вести свои международные дела столь же эффективно, как если бы они были суверенными правительствами».

Печать Уолл-стрита, усиленно рекламирующая Даллеса, утверждает, что самим происхождением Даллесу уготовано было стать дипломатом. Он родился в Вашингтоне, в доме своего деда Джона Уотсона Фостера. Дед был посланником США в Мексике, России, а позднее государственным секретарем в кабинете президента Гаррисона. Тетка Даллеса была женой Роберта Лансинга — крупного адвоката и поверенного монополий Уолл-стрита, а впоследствии государственного секретаря в кабинете Вудро Вильсона.

Джон Уотсон Фостер рано начал обучать внука премудростям дипломатии доллара. В 1907 году он взял его с собой на 2-ю Гаагскую конференцию, где приоткрыл секретарю китайской делегации. Помогал и другой советский родственник — в 1917 году Лансинг выхлопотал для Даллеса должность специального дипломатического агента США в Центральной Америке. Поставленная перед Даллесом задача заключалась в том, чтобы обеспечить вступление республик Центральной Америки в войну против Германии, как только это сделают США.

Но это было побочным занятием молодого Даллеса. Основным бизнесом для него делался адвокатурой. Ни Даллес, ни его рачительный дед не думали, разумеется, о простой адвокатской практике. Защищать содержателей домов терминаторов и гангстеров Даллесу не улыбалось. Его интересовало обслуживание корпораций и компаний Уолл-стрита, и не просто обслуживание, а установление их международных связей. Старик Фостеру пришлось употребить свое влияние старого дипломата и бывшего министра, чтобы в 1911 году пригласить Даллеса в уолл-стритовскую юридическую фирму «Салливан и Кромвелл».

Оформляя международные финансовые сделки американских монополий и нависая на этом немалые комиссионные, Даллес попутно обучался необходимому для американского дипломата ремеслу разведчика. Во время первой мировой войны Лансинг раздобыл для Даллеса чин капитана военной разведки. Даллес, конечно, не захватывал на фронте вражеских языков и не ходил с группой смельчаков по вражеским тылам. Нет, адвокат-разведчик занимался более прозаическими и безопасными делами, например, оформлял захват иностранных судов, находившихся в американских портах. К концу войны Даллес дослужился до чина майора и стал офицером связи между военным торговым советом и штабом американской армии.

Даллес был первым представителем США в союзнической комиссии по репарациям и вместе с генералом-банкиром Лазусом разрабатывал план «репараций» с Германии. Интересно, что активное участие в разработке этого плана принимал и Илар Шахт. Даллесовское сотрудничество с Шахтом на этом не прекратилось. В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, Даллес в качестве американского делегата присутствовал на совещаниях по инициативе Шахта конференциях по «урегулированию» германских долгов.

4. Даллес и другие

Этим, однако, не исчерпывается участие Даллеса в делах западноевропейских стран. В 1927 году по поручению рокфеллеровского «Чейз нэшнл банк» он занимался «стабилизацией» финансов правительства Пилсудского в Польше. Даллес и его фирма назывались на финансовых операциях, направленных на поддержание фашистского режима Хорти в Венгрии. Даллесовские сделки охватывали Германию, Норвегию, Польшу, Данию, Францию, Аргентину, Уругвай, Чили, Колумбию.

Активная деятельность Даллеса была по заслугам оценена его хозяевами. В 1920 году он стал совладельцем фирмы «Салливан и Кромвелл», а в 1944 году — ее главой.

Особо тесные связи Даллес и его хозяева с Уолл-стрита поддерживали с гитлеровской Германией. Известно, что Даллес являлся членом правления международной никелевой монополии «Интернэшнл никель компани» (ИНК), в которой находится производство более 90 процентов никеля, потребляемого в США. В ее правлении заседал Лоуренс Рокфеллер, и вся компания находится под определяющим влиянием Рокфеллеров. В 1934 году ИНК вошла в соглашение с германской химической монополией «ИГ Фарбениндустри», по которому обязалась снабжать ее никелем, и заключила с ней соглашение о разделе рынков. В 1937 году, когда гонка вооружений в Германии достигла высшей точки, ИНК выполняла требования гитлеровского правительства: норма никеля, отпускаемого для ИГФ, была увеличена. Юридическая фирма Даллеса ведала дела по защите представителей «ИГ Фарбениндустри» в США. В американском суде она защищала некоего Эрнста Гальбоха, председателя американской фирмы «Дженерал дайстаф», принадлежавшей «ИГ Фарбениндустри». Неудачно, что сам Даллес покровительствовал гитлеровским агентам и эмиссарам германских монополий, действовавшим в США как накануне, так и в период второй мировой войны.

В 1944 году, когда Даллеса в случае победы Дьон на президентских выборах прочили в государственные секретари США, один из моргановских журналов отозвался о нем так: «каждок, но верит в идеалы». Лидер республиканской партии США сенатор Гафт однажды назвал даллесовскую дипломатию «дипломатией морали». Какие же «идеалы» проповедал, какую «мораль» проповедировал уолл-стритовский Тартюф — Даллес?

В 1939 году, когда Даллес гитлеровского фашизма против народов Европы стала уже свершившимся фактом, Даллес выступил с книгой, озаглавленной «Война, мир и перемены». В этой книге он высмеивает и поносит идею уважения международных договоров и соблюдения взятых на себя государствами международных обязательств, насмехается над, как он пишет, «популярной идеей о

«знакомых» все лица». В управлении военного производства заседал Бернард Барух, вскоре, правда, ушедший в отставку. Председателем совета по делам военного производства стал президент доновово-моргановской компании «Дженерал моторс» Уильям Нудсен. Его сменил представитель чикагской фирмы «Сирс, Робак» Дональд Нелсон, назначенный по рекомендации архиепископа генерала Роберта Вуда. Директором военного производства в бюро по управлению производством был вице-президент «Американ телефон энд телеграф компани» Уильям Гаррисон.

В различных органах, связанных с распределением военных заказов и дефицитных материалов, заседали представители моргановской компании «Дженерал элктрик» Чарльз Вильсон и Филип Рид. Прибыли, названные американскими корпорациями на второй мировой войне, были поистине огромны. Из 300 миллиардов долларов, израсходованных Соединенными Штатами на войну, 200 миллиардов долларов пошло на военные заказы монополиям. 51 процент военных заказов достался 33 крупнейшим корпорациям и компаниям! С 1941 по 1945 год прибыл американских монополий составил 107 миллиардов долларов. Моргановская «Дженерал элктрик» увеличила свои прибыли в 1939—1949 годах в пять раз. «Юнайтед стейтс стил» — в четыре раза, рокфеллеровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — в три с половиной раза. Король нефти, угля, стали назывался на войне, смерти, разрушениях...

Но не только на американском вооружении назывались магнаты Уолл-стрита. Во время войны германские фирмы вели побросные отчеты, чтобы после войны поделиться со своими американскими и английскими партнерами кровавыми прибылями. По окончании войны германский концерн «ИГ Фарбениндустри» объявил, что он готов оплатить своим американскими и английскими партнерам 40 процентов причитающихся им дивидендов.

Прямые связи американских монополий с германскими партнерами по торговле смертью ни на один день не прекращались и в годы войны. Местом постоянных встреч являлся банк международных расчетов в Базеле, возглавлявшийся моргановским ставленником Томасом Мактирком. Характеризуя роль этого банка, газета «Нью-Йорк таймс» 19 мая 1943 года писала, что в Базеле «американские, германские, французские, итальянские банкиры, не говоря уже о представителях Швеции, Швейцарии и Голландии, продолжают как ни в чем не бывало работать рука об руку, устраивая совместные деловые совещания и т. д.».

Там же, в Швейцарии, велась переговоры о секретном тайном договоре между правительствами США и гитлеровской Германией. Со стороны США в них участвовал видный уолл-стритовец и представитель американской военно-политической разведки — управления стратегической службы (ОСС) Алаэн Даллес, со стороны Германии — близкий к правящей гитлеровской верхушке князь Гогенлоу, действовавший под вымышленной фамилией «Пауль».

Условия договора, который пытался осуществить посланцы Уолл-стрита с гитлеровцами, по существу, предусматривали закрепление гегемонии агрессивной Германии в Европе и своим острием всецело были направлены против Советского Союза. Отнышея почта для соглашения с гитлеровцами на основе продолжения и расширения агрессии против Советского Союза, Уолл-стрит всеми силами препятствовал открытию второго фронта в Европе.

И только когда всему миру стала видна несдержанная сила советского народа, когда даже слепым стало ясно, что Советский Союз вполне способен один, собственными силами закончить освобождение всей Европы от гитлеровского ига, только тогда на Уолл-стрите перестали тянуть с открытием второго фронта. Теперь Уолл-стрит торопился спасти преступные германские монополии, спасти все, что уцелело, от гитлеризма.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Умри Даллес, циничнее не скажешь! В то время как народом Европы война несла горе, страдания, голод и болезни, магнаты Уолл-стрита она обещала новые неизданные прибыли. На Уолл-стрите и не помышляли о полном разгроме гитлеровской Германии, ликвидации гитлеризма и предотвращении возможности новых агрессивных авантур германского империализма. «Мы не желаем, чтобы Германия была разгромлена полностью, — с циничной открытостью писал владелец и издатель реакционного американского журнала «Ридер дайжест» де Уит Уоллес — Германия надо дать небольшую налобучку... надо отстегать Гитлера настолько, чтобы он признал, что мы, Америка, являемся величайшей державой мира, а затем сохранить Гитлера в Европе для полицейской службы и поддержания порядка».

Массовые убийства мирного населения, газовые камеры, лагеря смерти — вот какой «порядок» мечтали насадить в Европе с помощью Гитлера магнаты Уолл-стрита. С первых же месяцев войны Уолл-стрит дал ясно понять Вашингтону, что он намерен сорвать на поставках вооружений такие прибыли, которые никому в Америке еще и не снились. В сентябре 1942 года глава династии потомственных американских торговцев смертью Ламмот Дюлон без обиняков заявил, что если правительство нужно вооружение, то пусть оно «платит столько, сколько мы требуем». Другим условием было: поставка во главе аппарата военного производства, как и в первую мировую войну, людей с Уолл-стрита.

В Вашингтон снова потянулись «знакомые все лица». В управлении военного производства заседал Бернард Барух, вскоре, правда, ушедший в отставку. Председателем совета по делам военного производства стал президент доновово-моргановской компании «Дженерал моторс» Уильям Нудсен. Его сменил представитель чикагской фирмы «Сирс, Робак» Дональд Нелсон, назначенный по рекомендации архиепископа генерала Роберта Вуда. Директором военного производства в бюро по управлению производством был вице-президент «Американ телефон энд телеграф компани» Уильям Гаррисон.

В различных органах, связанных с распределением военных заказов и дефицитных материалов, заседали представители моргановской компании «Дженерал элктрик» Чарльз Вильсон и Филип Рид. Прибыли, названные американскими корпорациями на второй мировой войне, были поистине огромны. Из 300 миллиардов долларов, израсходованных Соединенными Штатами на войну, 200 миллиардов долларов пошло на военные заказы монополиям. 51 процент военных заказов достался 33 крупнейшим корпорациям и компаниям! С 1941 по 1945 год прибыл американских монополий составил 107 миллиардов долларов. Моргановская «Дженерал элктрик» увеличила свои прибыли в 1939—1949 годах в пять раз. «Юнайтед стейтс стил» — в четыре раза, рокфеллеровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — в три с половиной раза. Король нефти, угля, стали назывался на войне, смерти, разрушениях...

Но не только на американском вооружении назывались магнаты Уолл-стрита. Во время войны германские фирмы вели побросные отчеты, чтобы после войны поделиться со своими американскими и английскими партнерами кровавыми прибылями. По окончании войны германский концерн «ИГ Фарбениндустри» объявил, что он готов оплатить своим американскими и английскими партнерам 40 процентов причитающихся им дивидендов.

Прямые связи американских монополий с германскими партнерами по торговле смертью ни на один день не прекращались и в годы войны. Местом постоянных встреч являлся банк международных расчетов в Базеле, возглавлявшийся моргановским ставленником Томасом Мактирком. Характеризуя роль этого банка, газета «Нью-Йорк таймс» 19 мая 1943 года писала, что в Базеле «американские, германские, французские, итальянские банкиры, не говоря уже о представителях Швеции, Швейцарии и Голландии, продолжают как ни в чем не бывало работать рука об руку, устраивая совместные деловые совещания и т. д.».

Там же, в Швейцарии, велась переговоры о секретном тайном договоре между правительствами США и гитлеровской Германией. Со стороны США в них участвовал видный уолл-стритовец и представитель американской военно-политической разведки — управления стратегической службы (ОСС) Алаэн Даллес, со стороны Германии — близкий к правящей гитлеровской верхушке князь Гогенлоу, действовавший под вымышленной фамилией «Пауль».

Условия договора, который пытался осуществить посланцы Уолл-стрита с гитлеровцами, по существу, предусматривали закрепление гегемонии агрессивной Германии в Европе и своим острием всецело были направлены против Советского Союза. Отнышея почта для соглашения с гитлеровцами на основе продолжения и расширения агрессии против Советского Союза, Уолл-стрит всеми силами препятствовал открытию второго фронта в Европе.

И только когда всему миру стала видна несдержанная сила советского народа, когда даже слепым стало ясно, что Советский Союз вполне способен один, собственными силами закончить освобождение всей Европы от гитлеровского ига, только тогда на Уолл-стрите перестали тянуть с открытием второго фронта. Теперь Уолл-стрит торопился спасти преступные германские монополии, спасти все, что уцелело, от гитлеризма.

Условия договора, который пытался осуществить посланцы Уолл-стрита с гитлеровцами, по существу, предусматривали закрепление гегемонии агрессивной Германии в Европе и своим острием всецело были направлены против Советского Союза. Отнышея почта для соглашения с гитлеровцами на основе продолжения и расширения агрессии против Советского Союза, Уолл-стрит всеми силами препятствовал открытию второго фронта в Европе.

И только когда всему миру стала видна несдержанная сила советского народа, когда даже слепым стало ясно, что Советский Союз вполне способен один, собственными силами закончить освобождение всей Европы от гитлеровского ига, только тогда на Уолл-стрите перестали тянуть с открытием второго фронта. Теперь Уолл-стрит торопился спасти преступные германские монополии, спасти все, что уцелело, от гитлеризма.

В. МОРЕВ